

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 Června 1933. — **Volné Kozáctvo** — Ročník VI.

131

25-го июня 1933 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

25-го червня 1933 р.

Р Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: * * * (Verše).
2. С. Савицкий: * * * (Verše).
3. С. Турчанинов: Сын Дона. (Syn Dona).
4. И. Томаревский: Родному Краю. (Verše).
5. И. К. Скубани: (Verše).
6. Трагедия Казачества (Tragedie kozáctva).
7. А. Ленивов: Донской историк В. Д. Сухоруков. (Donski historik V. D. Suchorukov).
8. Д-р. Хара-Даван: Создание наций. (Povstání nací).
9. Иван Будяк: На темы дня. (Na thema dne).
10. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Братислава. — К. Б. — Дошлемо. Вітаємо.
В. Бечкерек. — Ф. Я. — Получено. Привет.
Бельгия. — Н. Б. — Получено. Привет.
Ески-Джумая. — Ст. ат. — Получено все. Привет.
Тулуза. — Ст. ат. — Спасибо. Привет.
Белград. — Н. Д. — Получено. Привет.

Франция. — Г. Г. — Получено. Привет.
Франция. — П. К. — Хорошо. Привет.
Харбин. — И. К. — Получено. Привет.
Тулуза. — С. Т. — Исправлено. Привет.
Лион — А. Л. — Ответ — Письмом. Привет.
Виши. — С. Ч. — Ответ — письмом. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Uginé.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

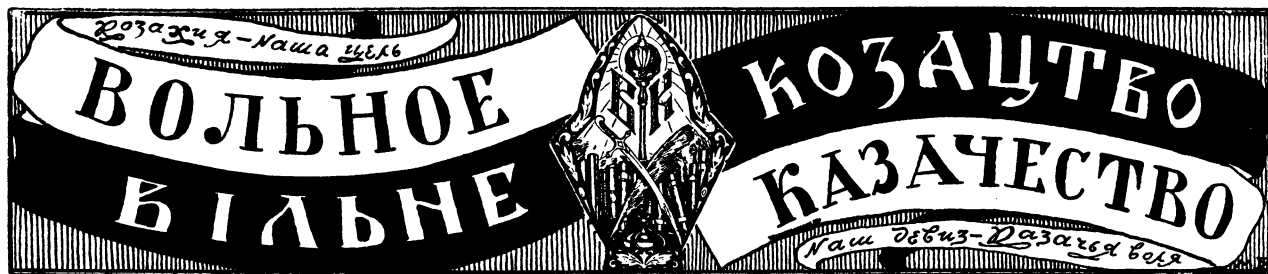
И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

И. П. Егоров. Bruxelles.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 131

Воскресенье, 25 июня, 1933 = Неділя, 25 червня, 1933.

№ 131

Борис Кундюков. (+).

С. Савицкий. (Бразилия).

* * *

Эх, тоска за жизнью вольной
Средь степей в родной станице!
Сердцу станет больно, больно,
Когда Край Родной приснится...

Знаю, знаю...

Зов могучий
Прилетает вслед за тучей
И в дожде весеннем стонет,
Голову казак уронит,
Станут руки, станет молот,
В грудь тоски вонзится холод,
Стон сорвется с губ: Рок мой —

Память все нам сохранила, [душегуб...]
Чувства все, пережитое...
Все, что было... Все, что было...
Близкое для нас, родное...

Знаю, знаю...

Зов могучий
Ветер принесет летучий,
Ароматом трав обвеет —
Степь казачья зеленеет.
Те же, ночи, те же зори
В голубом горят просторе
И цветут цветы... Доля — ведьма ты...

Все в изгнании ум тревожит.
Ночью сны терзают, мучат...
Кто-ж казаченькам поможет?
Когда волюшку получат?..

Знаю, знаю...

Зов могучий,
Зов как крик, как стон тягучий,
Всколыхнет сердца живые,
Силы встанут молодые,
Шашку в руку... Пику к бою...
Двинутся с своей мечтою
Край вернуть опять... Злые силы —
вспять!..

ПРАВДА КОЗАЦЬКА.

Ой, батьку, наш степе широкий, шовковий,
Прийми від нас щирий козачий привіт!
Чи ти ще в обіймах ворожих здоровий?
Чи ще не загнали тебе на той світ?
Ми вільні вже, батьку! не спутані ноги...
Далеко від тебе, від рідних станиць
Не дармо чужі оббивали пороги
І порох стряхнул з архівних полиць.
Ми вільні! Минулося наше кріпацтво:
Ми Правду Козацьку знайшли в чужині.
За Правду і бореться Вільне Козацтво,
В яким згуртувались твої всі сини.
Ця Правда огниста нам в серце запала
Глибоко, глибоко — до самого дна.
І вільність зродилась, як сонце засяла...
В душі забрєніла весела струна...

Лишився, наш батьку, без сонечка волі...
Ой знаємо: тяжко тобі в хамуті, —
Та прийде кінець і ворожій сваволі:
З руїни повстануть часи золоті...

Не будуть голодні по ямах ховати
Дар Божий за працю — свій хліб — козаки;
Не будуть козацьку сім'ю розривати,
І плакати не будуть за дітьми батьки.
І врочисто дзвони грають в станиці...
Злетяться зі світу борці козаки,
Не влізе більш ворог за наші границі:
Там будуть стояти залізні полки.

Чи чуєш, наш батьку? тепер ми багаті,
Хочь босі, обдерті, на вигляд — старці:
В нас мрії зродились могутні, крилаті —
Ми Правду Козацьку тримаєм в руці!
А Правда — то сила, яку не поборе
Ніяка на світі кривава війна.
О, Правда Козацька, Ти — ясна зоре,
З Тобою весела і дійсність сумна.

С. Турчанинов.*)

Сын Дона.

(Булавин).

Историческая драма из казачьей жизни в четырех действиях.

(Продолжение).

ДЕЙСТВИЕ. ВТОРОЕ

Действие происходит в корчме. Посреди — свободное место. В левом углу прилавок. Вправо стол, скамьи, бочки и т. п.

Явление I.

(Казак пьет за столом).

I Казак: Тыфу, ты, с своим разговором. Послухай чиво я тебе скажу. Ты не по христиански поступил, выпил усе, а мне не оставил и капельки. *(Поднимает стакан)*. Ну, далевай...

II Казак: Раз если такую обиду говоришь, не дам; самому мало.

I Казак: Брат, да какая же обида та? Я это по братски сказал, а ты рассердился. Ну, далевай!

II Казак: Коли так, давай твою чару... *(Льет и проливает мимо)*.

I Казак: Да ты гляди, куды льешь.

II Казак: Ничиво. Иде пьется там и льется... *(Смотрит в бутылку)*.

III Казак: Да у ней вина то нету...

II Казак: Ну-кась, ты лутче мене видишь... гляди, нету?!

II Казак: Ей, корчмарь! корчмарь! не слышишь, притворился? Знаем мы вашего брата — заботател, не узнаешь?! *(Обращается к шапке, которая лежит на прилавке)*. Ты думаешь — я пьяный, нет... не споишь мене боченком. Слышишь, не спишь? *(Хочет встать, но не может. Обращается к соседу)*. Ты брат коли у компании, да ишо на дурняк пьешь, не держи мене... Корчмарь! *(Опять старается подняться)*. Слухай... ты... скажи ему, черту старому нихай вина принесет...

III Казак: Да брось ты с вином, давай-ка, брат, лутче споем.

II Казак: Оно видишь... обидно... заботател и вина не хочет давать.

I Казак: Ды ево то у корчме нету...

II Казак: А ты чиво же брешешь... а это там черт сидит? *(Показывая на папаху)*.

I и III Казаки: *(Смеются)* Ха-ха-ха! ты, брат, видно подпил здорово, это папаха лежить...

II Казак: Верно! Ну... и дьявол с нею, нехай лежит!.. Запевай!

III Казак: Какую?

II Казак: Нашенскую, верховую.

I Казак: Ну, идет. *(Запеваает „За Уралом...“)*.

Явление II.

(3 казака и корчмарь).

Корчмарь: *(Входит)*. Чиво вы та разорались?

II Казак: А ты знать не видишь — казаки гуляют. Повылезло тебе...

Корчмарь: Вижу то я хорошо. Напились то и не слышите, как орете.

II Казак: Не разговаривать! Наливай вина.

Корчмарь: Наливай, то наливай, а платить то кто будет?

II Казак: А золотой взял, а сдачи не дал. Ты мене не проведешь... Налевай! *(Поет)*. Казаки не простаки — вольные ребята...

Корчмарь: Перестань, говорю тебе, не ори!

II Казак: Я не ору, а играю нашинскую, а играю нашинскую, а не московскую... Ты прислухайся к словам то... Казаки не простаки, вольные ребята... Усе мы люди вольные и пьем за свои денежки... Вот, на... *(Вынимает из кармана и бросает на стол)*.

Корчмарь: *(Подбирает деньги)*. Ну, так бы и

давно, не чесал бы язык *(Корчмарь подносит вина)*.

II Казак: Теперича выпьем по нашинскому. *(Берет вино и наливает, поет)*. „Хоть на шапках тумак, так живут богато!“ *(Другие подпевают)*.

III Казак: Корчмаря то угости — наш казак.

II Казак: Ей, ты, толстый дьявол, выпьешь?!

Корчмарь: Чиво же не... с удовлетворением.

Явление III.

(Те же и баба).

Баба: Здоров днєвали, радимые! *(Никто ее не слышит и не замечает)*.

II Казак: Ды вы наверно усе знаете про ту историю с Дарьєю, Егоровой женою.

Баба: *(Оставляет ведро, подходит тихо и слушает)*.

I и III Казаки: Егора то мы знаем, а про историю вот не слышали.

II Казак: История короткая. Батя захватил у пововнике его с Дарьєю *(Смеются)*.

Баба: *(Крича)* Чиво? Захватил со мною!.. А ты свидетелем был, чи разглаголиваеш?!

II Казак: Тю чорт! откуда ты узялась! Да твой свекорь-то батюшка рассказывал...

Баба: Брешешь ты, как кобель! Свекорь-то старый дурак, сам приставал, а я ему нос утерла *(Утирает нос)*. Так вот, знать, он по народу слух и пустил хороший. Я 12 лет с мужем живу, ни раз не только не сделала, даже не подумала. Срам то какой простра- няють. Бесстыдники! Пьяницы! Своих жен не глядитс- я, у чужой баз хотится...

II Казак: Ну, довольно тебе... перестань!

Баба: Как же так, перестань... Нет!.. Раз пошло на это, так скажи: твоя то жена Андрея от тебя родила?!

II Казак: Разумеется от мене... ха, ха, ха!

Баба: Бога не боишься и людей не стыдишься, коли так.

Корчмарь: Будет...

Баба: Да я ему, сукину сыну... пустите *(Хочет броситься на казака, ее держат)*.

II Казак: Слухай, чиво расходилась ты так, али не понимаешь, што подшутили?

Баба: Шутки не понимаю такие.

II Казак: Да брось ты там!.. На вот выпей да молчи и другим не рассказывай за мово Андрея, ведь он мой кровный сынок...

Корчмарь: *(Берет вино и разливает)*. Пейте да больше не ругайтесь... Как вам не стыдно, а ишо и сродственниками доводитеесь!

I Казак: Да они помируются...

Баба: Мы помирились. Раз пьем одно вино, знать мирные *(К корчмарю)*. А ты бы вина мне у ведро налил, к нам сваты приехали.

III Казак: За кого сватают?

Баба: За Груняшку...

II Казак: А Наталью гербують?

Баба: Ты знаешь нашу Наталью. Гордая джюа. За ково нибудь не пойдет. Богатого жениха ждет.

II Казак: Ждет, пока состарится, а посла и глу- хому не нужна будет.

Баба: Што верно, то верно... Не наше дело... Надьсь были сваты богатыя. Жених красивый такой парень, усе думали, што дело будет, а она не... и не... Говорит, джюа большой... Во какая девка! Теперича Груню сватают, а она со стыда к сестрице ушла.

II Казак: Ну, а с этим дело будет?

Баба: Бог их знает!

II Казак: А хто сватается?

Баба: С пригородка, старшинский сын Владимир.

II Казак: Володька!

Баба: Да вон самый...

*) В прошлом номере, по недосмотру, фамилия автора напечатана неправильно. Следует исправить на: С. Турчанинов.

II Казак: Он мене сродством доводиться, хороший казак, дело будет, ставь могарыч!

Баба: *(Корчмарь подносит ведро вина, она берет вино, черпает чашками)* Извольте... пейте, родные.

II Казак: Может, братцы, пойдем на сговоры?

I и III Казаки: Чивожь, пойдем. *(Собираются уходить)*.

Баба: *(К корчмарю)* Запиши вино то, не забудь.

Корчмарь: Иди... идите все *(Все уходит. Корчмарь убирает стол, скамьи, сливает все оставшееся вино в одну чашку и выпивает)*. Ну, во теперь веселее будет... *(Подходит к окну)*. Чиво там толпятся казаки... Сказывают, Булавин затеял штось со своими старшинами... чиво ему нужно? Царь Петр зла не сделает... Учереась воевода заходил... умный человек, хоть и не казак... выпытывал про торговые дела... Такие люди нужны нам... у кармане золотые звенят, а не медяки... *(Слышен шум)* Ну слава Богу, идут *(Бежит за прилавком)*.

Явление IV.

(Безрубашкин, корчмарь, I, II и III казаки).

II Казак: Эй, корчмарь! Принимай гостей! Вина!..

Корчмарь: Да вы чево же, на сговор не пошли?

II Казак: Устретили Безрубашкина, он к тебе шел, подумали — люди то сваты хорошие, и без нас обойдутся, а тут Андрей ведро вина обещает поставить.

Безрубашкин: Ты брат прихрамываешь на память, я сказал квартиру.

II Казак: Да ты погляди то на нас, какие мы храбрые ребята, а ты нам квартиру. Ведро!

Безрубашкин: Ну, давай ведро...

III Казак: И што бы не было скушно Расскажи нам из походов твою бати чиво нибудь, ты хорошо рассказываешь.

Безрубашкин: Не дюжий я мастер, но если вы желаете, то я расскажу про Азовское сиденье.

Все: *(Рассаживаясь)* Рассказывай.

Безрубашкин: До Азова от нас далеко. Походом если пойти, недели за две едва ли возьмешь. Стояли там наши казаки у крепости, городке значит. Городок был узят у турок и там осталось пять тысяч казаков да восемьсот баб, а другие на Дон вернулись. Хорош был городок, на хорошем месте и знать жалко ево было турецкому султану, а когда на престол сел молодой султан, так он поклялся на Коране, што Азов возьмет назад. Послал туды по морю и по суше армию у 200000 турок и татар. Наши как узнали, стали стены подправлять, да порохом запаслись. Увидали казаки, што турок много, што Азов им не удержать, а все таки Азов не оставили. Окружил паша своими войсками Азов и выслал переговорщиков — предлагают казакам 10000 червонцев, штобы оставили Азов, а казаки посмеиваются, а у самих страх берет, много турок!.. И решили сказать так: „Когда нам нужен был Азов, мы пришли ево и взяли, а если вам нужно, то возьмите его сами“. А на другой день полезли турки, красными как мак, тучами. Бились грозно. Азов казаки не дали, а к вечеру турки отступили. На другой день опять турки с белыми хлами пришли и просят дать убитых своих подобать и за каждого убитого червонец обещали.

II Казак: Ну, червонцы давали?

Безрубашкин: Да, но казаки им ответили, что мертвецами не торгуют — возьмите их даром.

Все: Правильно!..

II Казак: Ты свой сказ то говори, а про вино не забывай. Выпьем *(Пьют)*.

Безрубашкин: В тот день убрали они своих убитых нехристей и на утро опять полезли. Да две недели подряд!

III Казак: Батюшки, вот родные-то намучились!..

Безрубашкин: Передохнули они день и опять... Били их наши били, а они не отбавляются. Упали, знатся, духом казаки, изнеможились, почти усе поранеты, кругом мертвые турки погнили, воняют, дышать то нечем было.

Собрал это атаман казаков и баб у Круг и спрашивает: „чиво дальше будем делать?“ Порешили Азов ночью оставить и на Дон пробираться *(Пауза)*. Ночью отслужили молебен перед иконою Иоанна Предтечи —

казачьим покровителем — о спасении, и панихиду по убитым братьям и пошли. Вышли за городок, а турок нету. Глядь, костры горят, а турки на корабли грузятся. Туман знать был и ничево не видно было под носом. Казаки бросились на тех, хто не успел на корабли сесть, и порубили... Тыфу, у горле пересохло!

I Казак: Промочи...

II Казак: Я не говорил и то язык к горлу присох *(Смеется)*.

Явление V.

(Те же и Долгорукий).

Долгорукий: *(Входит)*. Как я устал сегодня... Эй, корчмарь! *(Садится)*.

Корчмарь: Слушаю.

Долгорукий: Лучшего вина...

Корчмарь: Лучче казачьево нету *(Подает вино)*.

Долгорукий: На... *(Бросает золотой)*.

II Казак: *(Подражает князю, встает, отходит к двери)*. Эй, корчмарь! *(Корчмарь молчит)*. Эй, корчмарь! *(Опять молчит)*. Што оглох, што ли, от золотова?!

Корчмарь: Чево орешь?!

II Казак: Лут-чшаго вина *(Копирует князя)*.

Корчмарь: *(Поворачивается и уходит)*.

II Казак: А почему не говоришь: слушаю.

Корчмарь: Не таким, как тебе, так отвечают. *(Подает вино)*.

II Казак: *(После долгих поисков вынимает из кармана полкопейки и бросает на стол)* На... *(Важно садится)*. Эй, слухай брат, *(Тихо)* што, там за неметчина? *(Показывая пальцем)*.

Корчмарь: Это князь.

II Казак: *(Толкает рядом сидящего казака)*. Слышишь, князь. *(Все переглядываются. Сильно)*, Гм... *(Князь поворачивается)*. Вы наверно новый здесь?

Долгорукий: Да... я из Москвы.

II Казак: Во как далеко забрались! А по каким делам — торговым на Дону, али другим?

Долгорукий: По моим частным и государевым делам прислан я на Дон, чтобы исполнить поручение царя, собрать дань.

II Казак: Какую дань?! Казаки люди вольные и дани ни князьям, ни царям не платили и платить не будут.

Долгорукий: Если казаки дани платить не будут, у меня есть стрельцы и я быстро смогу собрать все то, что мне нужно. Здесь земля русского царя.

II Казак: Нет, брешешь князь! здесь земля казачья...

Долгорукий: *(Гневно)*. Как ты смеешь мне отвечать так! Ты знаешь — я князь!

II Казак: Ты у себя на Москве князь, а я у себе на Дону вольный казак! *(Казаки смеются)*.

Долгорукий: Подождите, я вас проучу... довольно вам, злоязычникам, жить вольно.

II Казак: Мы не злоязычники. Мы очень добрые люди; и любим нашу свободу и волю. Штобы нас понять, вы должны с нами жить и пить.

Долгорукий: Подумаешь, как смело говорит! Подождите, я вас заставлю молчать!..

Явление VI.

(Те же и Некрасов).

Некрасов: *(Быстро входит)* Кого молчать?

II Казак: *(Показывая на Долгорукого)*. Князь нас...

Некрасов: А... это вы, почтенный княже. *(В стороне)*. Послушайте меня, казаки, что я вам скажу за этого князя. Он приехал к нам на Дон с грамотой и в тот же день приударил за дочерью нашего атамана Булавина. Его глаза смотрят на все как на свое... Шакал, а не князь. Приехал попить наши права, вольность и веру.

Долгорукий: Я князь, а не шакал! *(Выхватывает саблю и бросается на Некрасова)*.

Некрасов: *(Выхватывает саблю у рядом стоящего казака и отбивает удар намеренный в голову)*. Ну, москаль, держись! *(Быстро нападает и ловким ударом выбивает из рук Долгорукого саблю и становится*

на него ногою). А теперь мы будем тебя судить сообща все.

Долгорукий: (Молчит опустив голову).

Ну, Безрубашкин, говори, что с ним делать?!

Безрубашкин: Я на вашем бы месте, морду бы ему набил так, чтобы он помнил усю жисть... ды ишо усем бы заказывал, чтобы на казаков не бросались.

Долгорукий: Негодный!

II Казак: А по моему, не так. Раз, значит, он решил убить казака, то значит нужно и ево убить..

Долгорукий: Разбойники! Воры...

I Казак: Да ты ишо рыпaeшьcя?!

II Казак: Усе не нападите, князь он храбрый. (Подходит к Долгорукому). Он увесь потный, как выкупанный конь. (Смеются все. Наливают ему чашку вина и приподносят). На, вельможа пей, не бойся, и перед смертью пригодится. (Долгорукий делает рукою жест, чтобы взять, казак в это время плескает ему вино в лицо. Все смеются).

Долгорукий: Собачий сын, разбойник!

II Казак: Ты мне гляди!.. Я не Некрасов... без усяких сабель морду набью и суд кончен.

III Казак: Да раз он такие обидности нам говорит, Бога не стыдится, убить ево! Только убей ево сам, штобы не сказали, што пять человек одного убили, стыдно будет.

Все: Убить москаля, убить!..

Некрасов: Коли так... так убить! (В это время входит Булавин. Некрасов останавливается).

Явление VII.

Булавин: (Входит). Некрасов! Рано исполняешь свое решение... Не время... Пусть князь занесет царю весть о том, что казаки не желают допускать хозяев непрошенных и дань с нас собирать мы не дадим. (К писарю). Прочти грамоту, которую мы написали.

Писарь: (Выходит вперед и читает). Царю Белья, Малыя и Великия Руси от Атамана Кандратия Булавина. Город Бахмут. Царь Православный, тебя чтим и уважаем, помощь свою давали, но дани с казаков не собирали и собирать не дадим. Если ты, царь, разгневаешься, то казаки разгневаются пуще тебя и от своего решения не откажутся. Кандратий Булавин со старшинами и казаками.

Булавин: (Берет грамоту и подает Долгорукому). Неси ее Петру... Желаем ему здравствовать многие годы.

Долгорукий: Занесу (Некрасов толкает к нему ногою его саблю. Тот поднимает саблю, вкладывает в ножны и кланяется Булавину).

Булавин: Эй, корчмарь! Вина казакам. (Корчмарь быстро разливает вино по чашкам). Хочу выпить за здоровье всех казаков, которые никогда не печалились. Веселись, казачество! (Поднимает бокал). Пусть стинут те, кто хочет затоптать нашу древне-отцовские вольности. За вольное казачество! За степных великанов! За кипунных рыцарей! За светлое будущее... (Казаки кричат одобрительно).

Занавес.

(Продолжение следует).

Ив. Томаревский. (Болгария).

РОДНОМУ КРАЮ.

Край Родной, многострадальный —
 Степь широкая и Дон!
 Слышен ваш нам на чужбине
 В горе лютом тяжкий стон.

Всякий день сюда доходят

Вести горькие о вас...

Ваши дети, наши братья.

Говорят: „Последний час“!..

Ах, скажи им, Край Родимый,

Раз'ясни им, степь-краса:

Не последний час приходит

В жизни тяжелой казака, —

Были раньше потрясенья,

Было горе и в былом,

Но народ казачий выжил,

Ввысь опять взлетел орлом...

Тяжело, то правда, ныне
 Казакам в краю родном,
 Но пусть веры не теряют,
 Стоят крепко на своем.

Пусть в груди казачьей бьется
 Сердце так, как билось встарь
 Пусть надеются и верят —
 Радость сменит их кошмар...

И да знают, что за гранью
 Их полей, земли родной,
 Братья их подняли знамя —
 Жить свободною былой!

Что заря уже засияла,
 Загорелась в небесах!
 Скоро солнце Правды, Воли
 На родных взойдет полях,

И осушит оно слезы
 Всех страдальцев казаков —
 Воля в поле Казакии,
 Как в былом, воскреснет вновь!

И. К. Скубани. (Румыния).

* * *

И у меня была когда-то
 Отчизна милая моя,
 Где я любил впервые свято,
 Где скрылась юности заря...

И надо мною расцветали

Очарования цветы,

А в сердце трепетно мелькали

Огни надежды и мечты.

Была пора, когда весною,
 Лишь защебечут соловьи,
 Певал со страстью молодую
 Я песни смелые мои...

Теперь мечты судьба разбила,
 Украла чары светлых грез,
 А счастье жизни утопила
 В потоке выпланных слез.

В порыве варварски-жестоком
 Распяли Родину враги,
 А я в изгнании далеко
 Влачу мучительные дни...

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

На что собственно надеялись казаки единонелимцы, когда тянули казаков на московскую дорогу?

Если бы Филимоновы, Сушковы, Скобцовы, Харламовы, Степановы и иже с ними шли добровольцами в армию Деникина, кто и что мог бы иметь против этого! Это их частное дело. Но ведь они сами туда не шли, предпочитая занимать высокие должности в теплом и сытном тылу, а впутывали целые казачьи Края в борьбу во всероссийском масштабе, для казаков вредную, приведшую, в конце концов, их к гибели и к эмиграции.

Кубанские самостийники предлагали другой путь для защиты родных земель — это путь сговора Кубани прежде всего с Доном и Терекком, а потом и с другими народами, борющимися за свое освобождение. Эту мысль кубанцы проводили в договоре с Доном, заключенном 24 мая 1918 г., эту же точку зрения они осуществляли и при установлении взаимоотношений Кубани с Украиной. Посылая на Украину Кубанскую чрезвычайную комиссию (в конце сентября 1918 г.), Кубанское правительство снабдило ее следующей грамотой на имя Гетмана Украины:

„Ваша Світлосте! Керуючись свідомістю спільних політичних, культурних і економічних інтересів України та Кубані і щиро бажаючи скріпити дружні відносини між обома рідними країнами, ми, військовий отаман Кубанського Козацького Війська і Кубанське Краєве Правління визнаємо за необхідне вислати до Вашої Світлості надзвичайну місію на чолі з полковником В. М. Ткачовим і в складі члена Законодавчої Ради П. Л. Макаренка і полковника Евтушенка, котрим доручаємо вітати Вашу Світлості і Правління Держави Української і, як що на те буде згода Вашої Світлості, поставити перед Правлінням України питання про заключення в найближчий час між обома країнами порозуміння. Насушні інтереси обох Країн, як видно, вимагають як-найтіснішого зближення між ними і Кубанське Правління має тверду надію, що з давніх давен зв'язані між собою кровними узами і повні яскравих прикладів боротьби за незалежність, Україна й Кубань знову дадуть зразок могутнього братнього союзу“ (Дорошенко: історія України, т. II, стор. 198—199).

Эту грамоту подписал не только председатель Кубанского Правительства Быч, но и Войсковой Атаман Филимонов. Как видим, в этой грамоте говорится о желательности самого тесного сближения между Украиной и Кубанью и об установлении братского союза между ними. Нужно сказать, что Кубанская Чрезвычайная Миссия, прибыв в Киев в начале октября, встретила там, как и первая Кубанская Делегация, самый сердечный, действительно братский прием. В помощь Миссии Кубанское Правительство послало целый ряд советников и экспертов по делам торговым, финансовым, железнодорожным, почтово-телеграфным, кооперативным и т. д. Правительство Украины распорядилось о немедленной выдаче для Кубани новых транспортов вооружения. После кратких подготовительных работ между Правительством Украины и Правительством Кубани были выполнены и подписаны следующие соглашения:

- 1 ноября: Почтово-телеграфное,
- 1 ноября: о банковских и ссудосберегательных касс операциях,
- 3 ноября: железнодорожная канвенция,
- 3 ноября: о торговых, консульских и мореходных сношениях.

Если между Кубанским Правительством и Добровольческой армией почти на каждой версте совместного пути происходили беспрерывные недоразумения, угрозы кровавым переворотом и т. д., если с Добровольческой армией, в конце концов, Кубань никогда не

имела ни по одному вопросу добровольно принятого соглашения, то между Украиной и Кубанью в течение коротких двухнедельных переговоров были выработаны и подписаны соглашения по жизненным вопросам. При чем со стороны Кубани эти соглашения подписали такие люди, как полковник Ткачов — знаменитый кубанский авиатор, ныне генерал, В. П. Родионов, Н. Сырейщиков, которые украинцами себя не считали, но в установлении добрососедских отношений между Кубанью и Украиной видели обеспечение насущных интересов Кубани. Весьма характерно и поведение Кубанского Атамана: 19 сентября на заседании членов Рады он весьма рьяно и решительно выступал за сохранение кубанских войск в полном распоряжении Деникина, стремившегося к уничтожению самостоятельного украинского государства, а 26 того же сентября месяца подписал грамоту Гетману Украины и в этой грамоте говорил об общности политических, культурных и экономических интересов Украины и Кубани, говорил о том, что с древних времен Украина и Кубань связаны между собою кровными узами и полны ярких примеров борьбы за независимость, и высказывал надежду, что Украина и Кубань дадут пример могучего, братского союза. Так могли поступать только беспринципные политические хамелеоны, только государственные люди, не брезгающие никакими средствами ради достижения своих целей.

В ответ на присылку Кубанской миссии в Киев, Правительство Украины прислало на Кубань свою Чрезвычайную миссию во главе с полковником Ф. Боржинским; был также назначен на Кубань и постоянный консул Украины.

Переговоры Дона с Украиной, на первых порах, весьма тормозились вопросом о Таганрогском округе. В конце концов, 7 августа 1918 г. между Украиной и Доном было подписано соглашение о границах и о взаимном признании суверенности и независимости (Донская Летопись, т. III). Потом между Доном и Украиной были подписаны следующие соглашения:

5-го сентября: „Договор о совместном регулировании вопросов, касающихся Донецкого Бассейна“,

5-го сентября: О перевозке пассажиров, угля и грузов и т. д.,

7-го сентября: О передаче подвижного состава железных дорог и т. д.

Бывший министр иностранных дел Украинской Державы, проф. Д. Дорошенко, в написанной им „Истории Украины“ такими словами оценивает взаимоотношения Украины и Дона:

„Між Україною й Доном справді установились приятні добросусідські відносини. Українське правління й далі передавало за гроші і у кредит запаси зброї й амуніції донцям, між обома державами почався жвавий товарообмін. Дипломатичним представником України на Дону був спочатку (тимчасово) М. А. Славинський, а потім генерал К. Середин“.

Таким образом между Украиной, Доном и Кубанью в самое короткое время были установлены вполне добрососедственные отношения, основанные на взаимном признании суверенности и на договорах по различным жизненным вопросам. Укрепление этих отношений между ними, безусловно, наносило удар всем единонелимцам. Самый факт существования этих государств приводил в неистовство русских единонелимцев, как тех, что сидели в красной Москве, так и тех, что организовали „белое“ движение. И замечательно сходство между этими двумя, казалось бы различными, русскими лагерями: и красные и белые русские люди всячески старались подрывать внутреннее единство и крепость новых государств, старались вызвать внутреннюю борьбу в этих республиках, и, в конце концов, и красные

и белые русские люди, если только имели силу, шли войной против них.

Кубань и Дон писали грамоты на Украину, подписывали между собою и с Украиной, как суверенные, независимые государства, договоры, искали военного сотрудничества, а в это время Кубанский Атаман Филимонов, члены Кубанского Правительства и Рады — Ф. Сушков, Д. Скобцов, Н. Каплин и др. — председатель Донского Войскового Круга Харламов, закулисно вошли в соглашение с командованием Добровольческой армии с целью борьбы за единую и неделимую Россию. Рядовое донское и кубанское казачество и офицерство обильно орошало своею кровью широкие казачьи степи, защищая родные Края от большевиков, а верхи казачьи, казачьи выборные правители разделились: одни прилагали весь свой разум, все свои силы и все свое умение для честного и активного проведения в жизнь постановлений Донского Круга и Кубанской Рады, а другие, как настоящие тати и ночные грабители, действуя тайком за спинами казаков, предавали эти казачьи республики в руки бежавших в Казачьи Замли от своего народа русских генералов.

Просто ужас охватывает душу даже теперь, через 14 лет после описываемых событий, когда вдумываешься в прошлое и анализируешь причины порабощения Казачества новой русской большевицкой властью. Казачья края залиты кровью, десятки тысяч расстреляно кровавой московской рукой, сотни тысяч сослано на голодные работы для обогащения московской кассы, миллионы вымирают от недоедания и голода в родной земле! А почему все это произошло? Почему Финляндия, Эстония, Латвия, Литва свободны? Ведь эти четыре государства, вместе взятые, не выставили против большевиков таких огромных военных сил, какие дали казаки только Дона, Кубани и Терека в 1918—1919 г. г! Ведь нацоды финский, эстонский, латышский и литовский в борьбе с Россией в 1918—1919 г. г. не пролили столько крови, сколько пролили казаки! Ведь эти народы не были тогда мобилизованы почти поголовно, как это было в это время на Дону, на Кубани, на Тереке. Трудно нам говорить о доблести войск этих народов но ведь героизм и бесзаветная храбрость казаков известны всему миру. Ведь и у латышей и у финнов и т. д. были свои большевики, как были они и у казаков. Ведь латыши спасли большевицкую власть в Москве летом 1918 года, когда против большевиков с оружием в руках выступали левые с.-р. Да и теперь среди большевиков в Москве имеются и латыши, и финны, и эстонцы, и поляки, иногда они занимают высокие посты.

Разница между казачьей освободительной войной и войной вышеназванных народов за свою независимость, заключается, между прочим, в том, что у финнов, эстонцев, латышей и литовцев изменники народа просто переходили в стан врагов национального освобождения и государственной независимости. Все равно, вследствие каких мотивов это они делали, в силу ли своих убеждений или в силу продажности и личной корысти. Если же эти изменники национального освобождения оставались среди рядов борцов, ради более успешной работы на пользу Москвы, то их национальная финская, эстонская и т. д. власть ловила, сажала в тюрьмы или просто расстреливала. У казаков было не так. Казаки принимали Конституции своих государств, присягали на верность казачьим республикам, а потом каждый брался за свое дело: один шел на фронт, переносил все тяжести войны, жизнью рисковал, защищая свою землю, свое государство, исполняя просьбу; а другой, правдами и неправдами, добирался до высокого поста в казачьем государстве и потихоньку путал паутину предательства и измены Казачеству. Никто не принуждал Филимонова или Харламова оставаться на высоком посту в казачьем государстве, если служба их, обусловленная присягой, расходилась с их политическими убеждениями. В каждый момент они могли уйти, заявив или не заявляя о действительных мотивах ухода, они могли поступить в добровольческую армию и идти на фронт или занимать у добровольцев ту или иную должность в тылу, как это делали многие русские люди, и ничего зазорного в том не было. Могли они, конечно, и просто отойти в сторону от политической работы и быть чест-

ными священниками, судьями, учителями, кооператорами и т. д., словом, вести аполитичную работу, необходимым для обслуживания духовных или хозяйственных нужд населения.

К глубокому сожалению, у многих казачьих руководителей не хватило простой, элементарной до крайности, честности и порядочности, чтобы оставить высокие посты, если пребывание на них расходилось с их убеждениями. Наоборот, у некоторых казачьих политиков хватало непорядочности, бесчестности и элементарной подлости, чтобы принимать присягу на верность служения возрожденной казачьей государственности и в своей практической деятельности предавать казачьи республики, губить казачье дело.

Что может быть проще, яснее и природнее, напр., предложений, сделанных в свое время председателем Кубанского Правительства Бычом и членами Правительства полковником Савицким и А. Намитоком на совещании с представителями Добровольческой армии и донскими высокими „посредниками“: 1. к переговорам об объединении пригласить представителей Украины, Грузии, Горцев Кавказа, Белоруссии и т. д.; 2. организовать союзное государство и общую власть в нем путем сложения местных властей, 3. эта власть должна быть действительно государственной властью, т. е. только ей принадлежит право объявления войны и мира, право сношения с иностранными государствами и заключение с ними тех или иных договоров и соглашений, издание общесоюзных законов, этой же власти, чтобы принадлежало право и обязанность организовать защиту своего государства от внешнего нападения, назначение главнокомандующего в действующей против неприятеля армии или армиях и т. д.

В этой постановке вопроса ничего, собственно, нового не было. Ведь тот же Харламов и тот же Филимонов в 1917 г. участвовали в организации Юго-Восточного союза Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Горцев Кавказа и Вольных народов степей; ведь, Харламов был даже председателем правительства этого Союза; ведь, Филимонов, как Кубанский Атаман, подписывал 24 мая 1918 г. соглашения с Доном; ведь он, как Атаман, подписал грамоту к Гетману Украины и послал туда Кубанскую Миссию, между прочим, и с целью соглашения между Украиной и Кубанью; ведь, именно в то время, когда в Екатеринодаре заседало совещание представителей Добрармии, Куб. Правительства, Кубанского Атамана и донских „посредников“ во главе с Харламовым, Кубанская Миссия подготавливала в Киеве вышеупомянутые соглашения Кубани с Украиной, исполняя данные ей Кубанским Атаманом и Правительством важные поручения, ведь суверенный Дон уже имел, как мы видели, целый ряд соглашений с Украиной, подписанных выборным Донским Атаманом или уполномоченными им для подписи лицами...

Все это было, все это знали и Кубанский Атаман, и все члены Кубанского Правительства, и председатель Донского Войскового Круга. Но часть кубанских и донских ответственных деятелей имели свои, тогда еще секретные, совещания и соглашения с добровольческим командованием, дали этому командованию известные обещания и старались эти обещания выполнить. Стоило только представителю Добровольческой армии заявить, „что в области военной и дипломатической вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему“, как Харламов спешит заявить, что он признает Добровольческую армию носительницей государственной идеи, временной заместительницей общероссийской государственной власти и что „Дон пойдет на предоставление полной власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии“...

Совершенно естественно, совещание это только сконстатировало существование диаметрально противоположных точек зрения.

Все эти закулисные совещания только еще раз подчеркнули существование в противобольшевицком лагере духа, враждующих между собою и готовых перейти в открытую борьбу, групп: с одной стороны — русской, в составе командования Добр. армии, массы группировавшихся вокруг нее русских деятелей, не только бежавших из России в хлебосольные и уютные Ка-

защиты Земли, но и влиятельных казачьих деятелей — Филимоновых, Харламовых, Скобцовых, Каплиных и т. д., и, с другой стороны — казачьих самостийников. Первая группа была явно многочисленнее, кроме того, она, как мы видели, не брезгала в выборе средств для достижения поставленных ею целей. Другая группа была, без сомнения, очень осторожна в выборе средств борьбы. Первая группа ставила одну задачу — борьбу с большевизмом за небольшевицкую Россию. Вторая группа ставила, в сущности, две задачи — борьбу с большевизмом, одна, и борьбу за освобождение и создание национальных республик, другая. В первый период борьбы, со времени захвата власти большевиками в Петрограде до, примерно, 1-го марта 1918 г., обе группы проиграли борьбу с большевиками, а, значит, русские проиграли борьбу за небольшевицкую Россию, а противорусские — проиграли и борьбу за освобождение, и борьбу за свои национальные республики. В этот первый период войны Донской Атаман Каледин тирол с добровольческими генералами Триумвират — зародыш общерусской власти. Донской Круг вступил в соглашение с общерусской кадетской партией, а более левые элементы пошли с русскими большевиками.

Кубанским Правительством было запрещено производить набор добровольцев для Добрармии. Тогда, как мы видели, Добровольческая армия пришла на Кубань через дворец Атамана Филимонова и в конце первого периода борьбы захватила в свои руки кубанские вооруженные силы — Покровский назначен командующим кубанскими войсками 14-го февраля, а Корнилов вступил в командование фактически ровно через месяц. Соглашение 17-го марта, писанное и подписанное под гром орудий и клекот пулеметов, было только оформлением уже фактически состоявшегося объединения. Если бы соглашение 17 марта и не было подписано, соединение отрядов под командованием Корнилова все равно бы состоялось.

Со времени поголовного восстания против советской власти Донского, Кубанского и Терского Казачества начинается второй период, теперь уже открытой, вооруженной, жестокой и кровавой, борьбы. При чем и русские силы и самостийнические силы стремились направить эту борьбу в желательное русло: русские хотели сделать ее только противобольшевицкой, но за Россию, самостийнические силы не отказывались поддерживать ее, как противобольшевицкую, но имели в борьбе свои собственные политическо-государственные цели.

Что касается казачьей массы, то она не захотела воевать с большевиками в самом начале надвигавшейся опасности, внимательно присматриваясь и прислушиваясь к тому, что делалось и говорилось в Екатеринодаре, Новочеркасске... Иногда на местах выносились постановления о самостийности Казачьих Земель, но не брались за оружие для защиты этой самостоятельности. Присмотревшись хорошенько к новой русской власти, испытав на себе ее первую практику, казаки восстали. Созданные Круги и Рада оформили казачье движение в определенных законах. Масса поклялась в верности своим краям и исполнила свое обещание. Особенно характерным является текст донской присяги. Верхи же поклялись в верности Дону, Кубани и Терку, но часть этих верхов повернулась лицом туда, где пребывало командование Добровольческой армии, эта новая русская свеча, которую русские патриоты хотели разжечь в русском солнце... (Не даром особенно притягивали русские люди называли Деникина новым Иваном Калитой). Добровольческая армия хитро повела дело — во главе победоносных казачьих войск, всюду встречаемых пашальным звоном, цветами и обильными, веселыми трапезами, стояли русские люди: Дроздовские, Боровские, Эрдели, Покровские, Кутеповы, Казановичи, Врангели и т. д.

Добровольческое командование имело у себя весьма небольшие силы русских добровольцев, но оно опиралось на старую русскую традицию, оно опиралось на бывшее могущество России и на предательскую в отношении своих Земель и избравшего их населения, работу казачьих верхов.

Русские люди вели горячую закулисную подготовительную работу: они внимательно следили в Екатери-

нодаре-Новочеркасске за работой казачьих самостийников. Агенты добровольческого командования следовали по пятам деятельности донских и кубанских делегатов на Украину, агенты этого командования проникали в правительственные канцелярии на Дону и на Кубани, в правительственную разведку, в осведомительные бюро. Они выкрадывали (снимали копии) с наиболее важных документов (выкрали, например, письмо Донского Атамана к императору Вильгельму; заведующий политической разведкой у Кубанского Правительства, полковник К., был фактически агентом добровольческого командования и подробно устно и письменно информировал это командование о всех, известных ему, шагах Кубанского Правительства).

Таким образом, деятельность кубанских и иных казачьих самостийников была основательно опутана со всех сторон, как русскими казаками, так и русскими добровольцами. При всех этих условиях на сравнительно небольшую казачье-горскую группу легла чрезвычайно ответственная задача: вытянуть массы из идеального хаоса, вырвать их из русских сетей, указать массе настоящую цель борьбы и пути достижения этой цели с наименьшими жертвами людьми и имуществом. Сама эта масса была разделена на казаков и неказаков. Неказаки не только в большом числе пополняли большевицкие армии, но и создали весьма сильную группу войск, именуемую Таманской армией. Эта армия прошла Черноморским побережьем от Новороссийска до Туапсе, повернула на северо-восток к Белореченской, прорвалась через казачьи полки у этой станции и, соединившись с главными большевицкими силами в Лабинском отделе, составила среди большевицких армий наиболее могучий кулак.

Вследствие такого разделения населения Кубани на две борющиеся между собою группы, казачье-горская интеллигенция могла, временно, находить поддержку только у двух третей населения Кубани, — одна треть населения поддерживала красную Москву. Среди первых двух третей населения не мало было людей, подерживавших белую Москву.

А в это время на фронте продолжались кровопролитные, упорные бои. В начале сентября месяца большевики еще крепко держались у Ставрополя, Армавира и между Кубанью и рекою Лабой. Бои шли на извилистой линии фронта, приблизительно: Майкоп-Армавир-Ставрополь-Дивное у Маныча. Большевики не только отражали атаки наших войск, но сами часто в разных местах фронта переходили в наступление. Положение дел на фронте в сентябре-октябре месяцах генерал Деникин характеризует так:

... В ночь на 13-ое сентября большевики выбили наши войска из Армавира (узловая станция и большой город на перекрестке жел. дорог Ростов-Владикавказ и Туапсе-Ставрополь). Я повторил приказание атаковать Армавир 14 (сентября). Переведя дивизию у Прочноокопской на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на город с северо-запада, понес серьезные потери, но успеха не имел... [Необходимо отметить, что после упорных боев 11-13 сентября Армавир заняла так назыв. Таманская армия, состоявшая, главным образом, из кубанских иногородних-украинцев Таманского отдела; и в этот период Армавирских боев шло, собственно, состязание между кубанскими иногородними и добровольческо-кубанскими отрядами под Армавиром. Западнее Армавира, у станции Михайловской, Кубанская казачья дивизия (бывшая ген. Эрдели, теперь ею командовал генерал Врангель) вела упорные бои между Армавиром и станцией Курганной с другой группой большевицких войск. Югозападнее от дивизии Врангеля, между реками Лабой и Белой, вела бои Кубанская дивизия Покровского. В тылу у большевиков, к югу от Невинномысской и Курсавки, вела успешные бои с большевиками группа кубанских войск под командованием генерала Шкуро].

... Михайловская группа большевиков (в 20-25 верстах к западу от Армавира) была зажата,

ослаблена, прикована, но все усилия разбить ее не увенчались успехом. Кубанцы несли большие потери, которые вновь и вновь пополнялись притоком, идущим из освобожденных станиц. Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал бессельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа... Согласившись с ним, я оставил на Армавирском направлении слабый заслон полковника Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу — нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей Врангеля разбить ее... Атака Дроздовского не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Между тем Врангель, обойдя Михайловскую (с запада), вышел в тыл Михайловской группе и овладел Курганной, перехватив коммуникации противника... Но когда, отбив Дроздовского, большевики от Михайловской повернули против 1-ой дивизии (Врангеля), и к тому же обозначилось наступление (большевиков) с юго-востока от Константиновской, положение Врангеля между двумя речками стало весьма тяжелым; с наступлением сумерек он с трудом, но благополучно вывел дивизию по единственной переправе жел.-дор. мосту через Чамлык... 1-ая Кубанская дивизия Покровского, отбросив противника, занимавшего линию реки Фарс, широким фронтом (40—50 верст) наступала к Лабе... К 14-ому сентября Покровский, опрокидывая противника, подошел к Лабе, захватив Мостовое и, переправивши часть сил через Лабу, преследовал бегущих большевиков... Тысячи повозок обоза, множество пленных попали в наши руки... Этот значительный успех... встревожил большевическое командование... Майкопская (большевицкая) группа была усилена и 15-го на всем фронте перешла в наступление, отгеснив Покровского на левый берег Лабы. 10 дней продолжались бои с большевиками, перешедшими Лабу в нескольких местах и наступавшими в общем направлении на Майкоп. В ночь на 28-е большевики, отчаявшись в успехе наступления на этом фронте, ушли за Лабу, теснимые по пятам кубанцами, переправившимися также у Владимирской. Положение здесь оставалось попрежнему угрожающим для большевиков.

Неудачно для нас складывалась обстановка на левом фланге. Сорокин, сосредоточив крупные силы против Невинномысской, с 10 сентября несколько раз настойчиво атаковал Боровского, но понес большие потери и в начале успеха не имел. Наконец 15-го он принудил Боровского отойти к Ново-Екатериновке и овладел Невинномысской, открыв вновь сообщение своей армии по Владикавказской магистрали...

... В то время, как Невинномысская группа большевиков против фронта Боровского повидимому все больше усиливалась, назревала серьезная угроза и его (Боровского) тылу и сообщениям в Ставропольском районе. В результате работы в сентябре месяце, на северо-востоке и востоке Ставропольской губернии организовались две сильные группы (большевиков): в районе Дивное — 2-я Ставропольская дивизия или группа Ипатова (12 тысяч штыков, 1000 сабель), и в районе Благодарное — 1-я Ставропольская дивизия или группа Рыльского (5 тысяч штыков, 500 сабель); кроме того к северо-востоку от Петровского стоял отряд Жлобы, силою до 6 тысяч... Против этих частей мы имели мелкие отряды восточнее Медвежьего у Донского, гарнизон Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизию у Петровского, общей численностью 4-5 тысяч. 16-го сентября 2-я Ставропольская дивизия большевиков начала наступление одновременно в трех направлениях: на Торговую, Медвежье и Донское... Для прикрытия Торговой мною был

переброшен по жел. дороге небольшой отряд, а к станции Егорлык стянуты с разных сторон 1½-2 тысячи и 2 орудия. В командование этим отрядом (состав отряда: кубанские пластуны и и конница, части польской бригады, добровольческая артиллерия. Для характеристики наших масштабов боевого снабжения: отряду дано было 150 снарядов и по 70 патронов на винтовку) вступил генерал Станкевич, который получил задачу обеспечить Ставрополь с севера. Выдвинувшись к Безопасному, он отбросил противника, и на несколько дней здесь водворил спокойствие. В свою очередь полковник Улагай (2-я Куб. дивизия в районе Благодарного 28-го разбил 1-ю Ставропольскую дивизию и на некоторое время вывел ее из строя. Но 2-я Ставропольская (большевицкая) дивизия в конце месяце вновь перешла в наступление крупными силами и отбросила отряд Станкевича; в то же время северная колонна ее заняла села по нижнему Егорлыку в одном переходе от Торговой.

Необходимо было как можно скорее ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи с Доном и войсками правого берега Кубани, тем более, что у Невинномысской шло сосредоточение крупных большевицких сил... Соединенными силами Станкевича (кубанцы и часть поляков), Улагая (кубанцы) и 2-ой дивизии (большинство — кубанцы) большевики были разбиты у Терновки... Станкевич преследовал противника на северо-восток и в боях 12-14 (октября) в районе Большой Джалги, в которых приняла участие и шедшая от Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанес им вновь сильное поражение. Дальнейшее преследование стало невозможным, так как в эти дни у Невинномысской и Ставрополя развивались события, требовавшие спешного возвращения туда 2-ой дивизии и конницы Улагая.

Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника" (Деникин, т. III, стр. 222-226).

Таким образом, даже на основании материалов, приводимых в книге Деникина, мы можем констатировать, что вся тяжесть кровавых сентябрьских боев между Белой и Лабой и на Лабе (кубанская дивизия Покровского, кубанский отряд генерала Геймана), между Лабой и Кубанью (дивизия кубанцев под командованием Врангеля), к северу и северо-востоку от Ставрополя (отряд генерала Станкевича) и у Невинномысской (дивизия Боровского — большинство кубанцы) легла на Кубанцев. Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что в это время боев Кубано-Добровольческие части не могли сами справиться с большевицкими войсками, действовавшими на Северном Кавказе и во время наступления большевиков на Торговую потребовалась помощь Донской бригады. Донское командование было вынуждено послать ее сюда в то время, когда Донские казаки, как мы видели, защищали свою землю со стороны Москвы на огромном 800 верстном фронте, когда они бились у Царицына. Во время выше описанных боев в северной части Ставропольской губернии большевицкая дивизия Жлобы самовольно оставила большевицкий противокубанский фронт и ушла к Царицыну, ударив там в тыл донским казакам, полукольцом охватившим этот город. Хотя северо-кавказское большевицкое командование и объявило Жлобу вне закона за самовольный уход с фронта, но дивизия Жлобы сразу поправила довольно тяжелое положение большевицких войск, защищавших Царицын от донских полков.

Как мы видели, в сентябрьских боях добровольческая дивизия Дроздовского отдала Таманской большевицкой армии город Армавир и, несмотря на все усилия, не могла взять его обратно. Эта же дивизия безуспешно наступала на Михайловскую большевицкую группу войск и не могла выполнить данного ей задания.

В это время у большевиков наступил полный развал и дезорганизация, как в военном, так и в гражданском управлении. Об этом свидетельствует не только самовольный уход с фронта дивизии Жлобы, но и от-

каз командующего Таманской армией Матвеева подчиняться Сорокину. Во второй половине сентября месяца Матвеев собрал на совещание в Армавире командиров частей этой армии и совещание одобрило заявление Матвеева о непризнании им главнокомандующего Сорокина. Последний вызвал Матвеева в Пятигорск и там расстрелял его по приговору военно-революционного суда. Эта казнь вождя Таманской армии вызвала страшное возмущение в рядах этой армии и усилила среди большевистских руководителей давнее недоверие к Сорокину. Согласно указаниям из Москвы единоличная власть командующего войсками была заменена Революционным Военным Советом в составе председателя Полуяна (казак ст. Елизаветинской) и членов Совета: Гайчина, Петренко, Сорокина и Крайнего. Был организован новый штаб во главе с Одарюком, казаком ст. Березинской. Эти изменения в военном руководстве большевистскими силами только усилили дезорганизацию. Сорокин не хотел остаться в тени.

Среди большевистских войск велась усиленная подпольная агитация: одни обвиняли Сорокина в измене и предательстве, другие обвиняли Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Республики в том же.

Когда было приказано расформировать штаб Сорокина, последний очень резко выступил против этого распоряжения. 14-го октября Сорокин приказал чинам своего штаба арестовать членов Центрального Исполкома Рубина, Крайнего, Дунаевского, Режанского и Власова и через несколько дней расстрелял всех их. Кроме Власова все расстрелянные были евреи.

По этому поводу в „Очерках гражданской борьбы на Кубани“ (Ладоха, стр. 115) читаем следующее:

„Аресты и расстрелы произвели на окружающих страшное впечатление. Все были терроризированы и не знали, что предпринять. А контрразведка Сорокинского штаба повсюду разбрасывала щупальцы, стараясь изъять всех, кто был против Сорокина. Чтобы оправдать свой поступок перед красноармейскими массами, Сорокин издал приказ, приложив сфабрикованные документы, которые яко бы уличили расстрелянных в сношениях с белогвардейцами... Армавирский партийный комитет и оставшиеся члены Революционного совета повели работу, направленную на разъяснение красноармейцам смысла происшедших ужасных событий.

В Невинномысской состоялся Краевой съезд Советов и делегатов фронта. Съезд встал на сторону Центр. Исполкома и объявил Сорокина и весь штаб его вне закона. Избранная съездом чрезвычайная тройка беспощадно расправилась с лицами, замешанными в крававом преступлении. Более 40 человек... были расстреляны. Сорокин пытался спастись в Ставрополь (взятый советскими частями накануне выступления Сорокина), но был арестован. Командир одного из Таманских полков, т. Вышенко, застрелил его в тюрьме, как объявленного вне закона“...

... Красноармейские массы и без того были часто склонны видеть на верху в руководящих организациях „измену“ и „продажу“. Тут же глава армии бросил по отношению к руководящему учреждению края самые клеветнические обвинения, пустил в ход самую грязную демагогию. Развал и деморализация — вот следствия авантюры Сорокина в рядах армии“...

Расстрел командующего Таманской армией Матвеева, расстрел председателя и членов Ц. И. Комитета, расстрел Сорокина и его штаба, все это было причиной весьма серьезного расстройств в руководстве сложными большевистскими операциями. Несмотря на это, большевистские войска продолжали оказывать весьма серьезное сопротивление, переходя иногда даже в наступление против Кубано-Добровольческих отрядов.

Исследователь войны на Северном Кавказе, Г. Ладоха, о задачах большевистской армии в октябре месяце говорит следующее:

„На ряду с задачей реорганизации армии, перед советским командованием стояли два важ-

ных оперативных задания. Приказом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, находившегося в Царицыне, группе Кубанских советских войск, реорганизованных в XI армию, предписывалось войти в связь с X армией, действовавшей справа в районе Маныча, и XII армией, находившейся в Терской области.

Для выполнения этой задачи необходимо было две операции. Для соединения с X армией надо было взять Ставрополь. Во исполнение этой задачи Таманская армия была взята с Армавирского фронта и перебросена в Невинномысскую. Для выполнения задачи соединения с XII армией была двинута Шарнятская колонна.

Ошибка, допущенная советским командованием, заключалась в том, что обе операции проводились одновременно. Благодаря этому белые имели возможность сначала разгромить Армавирский фронт и, сделав со стороны Баталпашинска прорыв на Невинномысскую, ударить в тыл Ставрополю. Переброшенная на Невинномысскую Таманская армия под командой Ковтюха (офицер из иногородних станицы Полтавской), ночью двумя колоннами выступила 10 октября к Ставрополю... После артиллерийского обстрела красные части под музыку „Марсельезы“ бросились в неприятельские окопы. Бой шел весь день 13 октября и к вечеру часть города была очищена от белых. 14 октября красные войска под звуки музыки вступили в очищенный белогвардейцами город. Добычей красных частей были много пулеметов, часть интенданства и броневик“. Деникин пишет по поводу этих операций следующее:

„10 октября Невинномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронт Дроздовского. Это было началом решительного для Добровольческой армии двадцати-восьмидневного боя под Ставрополем.

Отряду Дроздовского (3-я дивизия и пластунская бригада) предстояло всемерно задерживать противника до прихода с севера 2-й и 2-й Кубанской дивизий. В течение 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи подошедшего с севера Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки Корниловцев и Самурцев не имели успеха, и полудни дивизия очистила Ставрополь, отступив к северу...

Я с полевым штабом... находился в эти дни на Армавирском направлении. Отдав ген. Казановичу последний батальон и не имея более в своем распоряжении резервов... Генералом Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрячь крайние усилия, чтобы сбросить левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на Ставропольском направлении... Ген. Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиrom... Конница Врангеля не могла развить этот удар: 10 числа (октября) она была прикована к Урупу настойчивым атаками противника, причем Бесскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа... Но 17-го большевики перешли в контратаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части ген. Врангеля за Уруп, а дивизию ген. Казановича — под Армавир...

В эти дни Минераловодская группа несколько раз возобновляла наступление на полковника Шкуро по всему фронту от Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны по прежнему совершали удачные набеги на жел. дорогу. Не было ни сведений, ни донесений от ген. Покровского. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убедился, что здесь разрешение задачи искать трудно. Послал вновь приказание Покровскому о крайней необходимости взятия Невинномысской и выхода в тыл Армавирской группы противника...

Только 21-го мы получили радостное известие, что 18-го Покровский после упорного боя овладел станицей Невинномысской, захватил там большую военную добычу и преследует большевиков на северо-запад и на юго-восток... От Армавира и Урупа потянулись уже большевические резервы в сторону Невинномысской.

21 октября Врангель, перейдя Уруп, обрушился на большевическую дивизию, разбил ее на голову и преследовал уцелевшие остатки ее...

Юго-восточнее та же участь постигла и два большевические полка... 22-го доблестная дивизия продолжала преследование, добывая оставшиеся части противника, и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота Казановича с бронепоездом. За эти два дня кубанцы Врангеля взяли в плен 2000 пленных, 19 пулеметов, огромные обозы"...

Если оценивать наступление большевиков на Ставрополь и его занятие ими после боев с дивизией Дроздовского; если оценивать всю операцию разгрома большевиков между Урупом и Кубанью в то же время только на основании материалов, сообщаемых Деникиным, мы приходим к таким выводам: дивизия Дроздовского, усиленная кубанской бригадой и Корниловским полком, не выдерживает боя с Таманской группой и отдает ей Ставрополь; а ведь полки этой дивизии были в значительной мере пополнены кубанскими казаками; что же могла сделать Таманская армия с группой войск Дроздовского, если бы в этой группе не было кубанцев, а оставались только одни добровольцы! Далее, Деникин сам констатирует, что „наблюдая 17-го бой у Казановича (у Армавира), я убедился, что здесь разрешения задачи искать трудно“ и, в результате, Деникин снова обращается к кубанцам с приказанием „о крайней необходимости взятия Невинномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника“... Кубанцы выполняют этот приказ и берут центр большевических сил — Невинномысскую, где за несколько дней перед этим происходил большевический съезд, ликвидировавший Сорокина. Когда мы теперь сопоставляем данные Деникина с большевическими, то приходим к заключению, что Казанович мог захватить Армавир „внезапной атакой“ 13 октября только после того, как стало Казановичу известно, что Таманская армия за несколько дней перед этим ушла из Армавира в Невинномысскую, отсюда 9-10 октября уже наступала успешно на Ставрополь. Уже 17-го дивизия Казановича принуждена была снова отступать под Армавир.

Если мы подведем итоги боевым операциям за сентябрь и первую половину октября месяца 1918 г., да-

же на основании данных Деникина, мы не найдем ни одной более или менее серьезной операции, успешно проведенной частями армии, где добровольцы были в значительном числе, в то время когда кубанцы летают по ставропольским степям, вместе с донской бригадой, ликвидируя группу большевиков, наступавшую на Торговую, ликвидируя угрозу Ставрополю с севера и северо-востока, в то время, когда дивизия Покровского с весьма серьезными боями проходит от Майкопа через множество горных рек, а между ними такие, как Лаба, Уруп, Зеленчуки, и захватывает самое гнездо большевизма, центр их операций против Ставрополя и в юго-восточном направлении, Невинномысскую, в то время, как дивизия Врангеля громит большевиков между Лабою и Кубанью, в то время, как части Шкуро все время наносят удары центральным большевическим силам, собранным на железнодорожной линии Невинномысская-Минеральные Воды, в это время добровольцы топчутся у Армавира и у Ставрополя, не блеснув ни одной заметной успешной операцией. При чем, военному счастью было угодно или уж судьба добровольцев была такова, но за этот период боев два раза произошло столкновение дивизии Дроздовского с Таманской армией, состоящей, как видно из ее названия и истории ее организации, главным образом из кубанских иногородних, и оба раза столкновение закончилось поражением Дроздовского: 13-го сентября Дроздовский отдал таманцам Армавир, „считая свои силы недостаточными и положение слишком рискованным“, как поясняет Деникин; после этого Дроздовского перевели на ставропольское направление, на это же направление перешли из Армавира через Невинномысскую и таманцы, и в результате Дроздовский отдает им Ставрополь 14 октября, почти ровно через месяц после сдачи Армавира. Следует припомнить, что и наступление Дроздовского на Екатеринбург потерпело крушение тоже 14 числа, только июля месяца. И в каждом из этих случаев Дроздовского и другие добровольцы спасали кубанцы, при чем при июльских операциях у Кореновской Деникин приказал кубанцам Покровского, „минуя всякие препятствия и не останавливаясь перед жертвами ударить в тыл группы Сорокина под Тимошовкой“, точно также и в октябрьских боях Деникин приказывает тому же Покровскому, как мы видели, взять Невинномысскую и выйти в тыл Армавирской группе большевиков.

То же самое было и в боях под Торговой, Белой Глиной и под Тихорецкой: кубанцы со всех сторон окружали эти большевические гнезда и тем предreshали исход операции.

(Продолжение следует).

А Ленивов.

Донской историк В. Д. Сухоруков.

(Исторический очерк).

Задача настоящего очерка — описать жизнедеятельность В. Д. Сухорукова, а равно и его творческую работу по изучению истории Донского Казачества, а тем хоть немного помочь воскресить и увековечить память того Донского казака, который был захвачен „мечтательными мыслями насчет самостоятельности... отчизны“ (т. е. Донского Войска) еще в 20-х годах прошлого столетия (за что подвергся жестокому преследованию со стороны российского правительства).

Заслуги В. Д. Сухорукова в области изучения истории Донского Казачества столь велики, что налагают нравственное обязательство на каждого казака-националиста увековечить достойным образом память славного Донского историка!...

„Не только каждая национальность, а каждая страна, каждый закоулок имеют свои симпатии и антипатии, у каждого из них есть свои герои, свои мученики, свои предатели. Имена таких лиц долго живут среди народа, — и счастливо то население, которое не переживает

памяти об этих людях. К числу своих героев мучеников Донской народ до сих пор причисляет Василия Дмитриевича Сухорукова, память о котором сохранилась на всем протяжении Донской Области: имя его до сих пор с благоговением произносят в донских палатах и хижинах. Эта личность, обязавшая своею известностью единственно своему светлomu, прекрасному образованию и постоянному труду, испытала много горя, в котором и сошла в могилу“ — так писал казачий историк А. Карасев еще в 1870 году.

Василий Дмитриевич Сухоруков. Донской казак, весьма успешно окончил Харьковский университет в 1815 году, явившись таким образом одним из первых казаков, получивших университетское образование. Дабы отчетливо представить все значение этого факта, надлежит помнить о том, что первое среднее учебное заведение на Дону было открыто в 1804 году, именно войсковая гимназия в гор. Новочеркасске. С окончанием Харьковского университета, В. Д. Сухоруков вступил на военную службу, выйдя в лейб-гвардии казачий полк (в Петербурге). К 1921 году В. Д.

Сухоруков, состоя в полку на должности субалтерн-офицера, был произведен в чин поручика.

Со смертью Атамана Платова в 1818 году, Войсковым Атаманом Донского Войска был назначен ген. лейт. Адриан Карпович Денисов, который и пожелал создать „свод донского исторического (обычного) права, сохранив всю древность их (казацких) установлений“, дабы тем самым положить предел произволу и бесчинствам, производимыми казачьей старшиной. Предложение Атамана Денисова „собрать воедино все узаконения относительно Донского Войска, в различные времена по различным случаям изданные и в разных частных постановлениях заключающиеся, рассмотреть оные в особливом комитете, сообразить с настоящим порядком вещей“ и т. д., было одобрено Александром I. Атаман Денисов сам стал председателем специально образованной 29 мая 1819 года „временной в Войске Донском Комиссии для составления положения о внутреннем и военном управлении сим Войском“. Открывая официальную деловую работу указываемой комиссии (иначе называемой „Комитет 1819 года“), Атаман Денисов привлек в качестве одного из сотрудников и В. Д. Сухорукова, поручив последнему составить описание статистики и истории Донского Войска.

В дни пребывания В. Д. Сухорукова в Харьковском университете, А. П. Попов, бывший заведующий народным образованием на Дону, написал „Историю о Донском Войске“, которая и была издана в двух томах в харьковской книгопечатне в 1814 году. Эта „История о Донском Войске“, представляющая собой первый печатный труд по истории Донского Казачества, не может приниматься в расчет и почитаться за серьезный и обстоятельный труд! Первым недостатком является то, что ее писал человек совершенно не компетентный в вопросах истории и в силу этого допустивший ряд непозволительных ошибок и промахов. Кроме того, А. И. Попов писал свой труд без заранее определенного плана, без использования и применения исторических материалов и актов (первоисточников). В силу этого, на долю В. Д. Сухорукова выпала почетная, но вместе с тем и тяжелая задача быть пионером в отношении начала детальной разработки истории Донского Войска...

Ближайшими помощниками В. Д. Сухорукова по сбору и разработке исторических материалов были молодые донские офицеры: Кучеров, Кушнарев, Поснов и др., равным образом получившие университетское образование. С разрешения российского правительства, В. Д. Сухорукову и его сотрудникам были открыты для исследовательской работы архивы Астрахани, Дубовки, Камышина, Ново-Хоперска, Ростова-на-Дону, Царицына и др. Сверх того, В. Д. Сухоруков использовал (первый) дела б. Посольского приказа в Москве (дела Донские, Калмыцкие, Крымские, Малороссийские, Ногайские, Персидские, Турецкие и т. д.), а также и дела Разрядного приказа. Некоторые московские друзья В. Д. Сухорукова, именно А. О. Корнилович, К. Ф. Калайдович и А. Ф. Машновский оказали весьма ценные услуги в деле нахождения старинных исторических актов, касающихся времен независимости Донского Казачества и находившихся в московских архивах. Указывая на факт существования друзей В. Д. Сухорукова с А. С. Пушкиным и Н. М. Карамзиным, отмечаем, что последний сумел передать В. Д. Сухорукову как некоторые исторические материалы о Казачестве, так и множество ценных сведений и указаний. Именно Н. М. Карамзин, представитель определенного течения в российской историографии, сумел доказать В. Д. Сухорукову, что „имя казаков древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева. Они назывались и Черкасами и Казаками. Не желая покориться ни монголам, ни Литве, они жили, как вольные люди, на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимыми тростниками и болотами: приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения, смешались с ними и под именем Казаков составили один народ“...

Особым образом надлежит оттенить роль П. М. Строева, знаменитого архивариуса, специалиста по изысканию и систематизации исторических материалов, определяющих судьбы народов востока Европы. Трудно

установить те мотивы и тенденции, коими руководился П. М. Строев, излагая В. Д. Сухорукову основные детали независимого бытия Донского Войска в до-Петровский период. Несомненным является, что именно П. М. Строев выдал В. Д. Сухорукову копии с редчайших грамот, к числу коих надлежит отнести: „Запись, по которой атаманы и казаки приведены к присяге в Москве и на Дону“ (29-ого августа 1671 года); о приеме Донских зимовых станиц при московском дворе и т. д. Сверх того, П. М. Строев указал местонахождение ценнейших материалов по истории Донского Казачества. Так, согласно его указаниям, сотрудники В. Д. Сухорукова нашли в архивах Астрахани грамоты Феодора Иоановича на Дон, именно „на Дон, Донским Атаманам и казакам, старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова“ (от 31 августа 1584 г.) и т. д. Из переписки П. М. Строева с В. Д. Сухоруковым, явствует, сколь велика и существенна была помощь П. М. Строева в деле снабжения В. Д. Сухорукова материалами по истории Донских казаков.

Параллельно с тем, как в его распоряжение поступали исторические материалы, В. Д. Сухоруков систематизировал последние и время от времени опубликовывал свои изыскания в тогдашней прессе, как-то: в „Московском Наблюдателе“, „Московском Телеграфе“ и др. Сверх того, в сборнике „Русская Старина“ на 1825 год, издававшемся под редакцией известного историка А. О. Корниловича, была помещена статья В. Д. Сухорукова: „Общежитие Донских казаков в XVII-XVIII ст. ст.“, Донского Войска. Статья эта, сохранившая значение и до настоящего времени, отличается содержательностью, простотой и точностью изложения, что дало право казачьим историкам утверждать, что „это было первое печатное сочинение, восприведшее донскую казачью жизнь во всех прелестях ее домашнего очага“. Справедливость требует отметить и то, что тираж „Русской Старины“ на 1825 год был много более увеличен против обыкновенного, причем спрос предвещался по большей части со стороны донских казаков...

Подвергая критическому разбору все выводы и допущения, сделанные В. Д. Сухоруковым в период его продуктивной исторической работы (1821—1826 г. г.), отмечаем, что В. Д. Сухоруков был первый казачий историк, который, путем нахождения старинных грамот и исторических актов, вполне обоснованно доказал современному ему общественному мнению, что Донское Войско являлось в до-Петровский период времени независимым самостоятельным государством. Далее В. Д. Сухоруков первый высказал и доказал гипотезу о том, что остатки новгородской волиницы в известном количестве влились в состав Донского Войска. Сверх того, В. Д. Сухоруков выявил себя в полной мере и как казак-гражданин в пору, когда казачье народное самосознание не имело еще кодекса своей казачьей истории. Так, статья „Общежитие донских казаков в XVII—XVIII ст. ст.“ была закончена В. Д. Сухоруковым соответственным образом, именно эпиграфом из стих. В. А. Жуковского — „О, родина святая! — Чье сердце не дрожит, Тебя благословляя!“ Вполне естественно, что В. Д. Сухоруков вкладывал в понятие „родина святая“ значение синонима „Дон“. Даже казачьи песни, приложенные к указываемой статье, В. Д. Сухоруков называл „донскими национальными песнями“.

10 августа 1826 г. Войсковой Атаман Иловайский, прибывший в Москву на время коронационных торжеств, не преминул воспользоваться представившимся случаем и подал Николаю I записку о деле, от которого по мнению Иловайского зависел „жребий целого Донского Войска“. Подвергнув жесточайшей критике проект „Положения о внутреннем и военном управлении Донским Войском“, выработанный т. н. „Комитетом 1819 года“ (при ближайшем участии б. военного министра графа Чернышева), Атаман Иловайский просил выработать законопроект „сообразно духу и нравам народа (т. е. Донских казаков)“, влствие чего предлагал Николаю I „поставить и разобрать вопрос об обычаях, имевших на Дону силу закона“. По следствию, произведенному графом Гурьевым, согласно повеления Николая I, были преданы суду Войсковой

Атаман Иловайский и весь его штаб. Суд признал Иловайского подозрительным по „сепаратизму“, вследствие чего последний указом Николая I от 7 июля 1827 года был смещен с должности Войскового Атамана.

Совместно с Атаманом Иловайским пострадал и В. Д. Сухоруков, которого российское правительство считало если не автором, то вдохновителем Иловайского в деле подачи и составления текста докладной записки. Статьи В. Д. Сухорукова, помещенные в русских столичных газетах, весьма обеспокоили российское правительство, ибо выводы В. Д. Сухорукова оказались несоответствующими видам правительства. Сопоставив статьи В. Д. Сухорукова и докладную записку Иловайского, российское правительство возымело мысль о том, что „источник мечтательного донского автономизма“ имеет основой работу В. Д. Сухорукова, ведомую последним для составления статистики и истории Донского Войска. Трагический конец приближался, ибо российское правительство решило расправиться с казаками „обучавшимися в университетах, которые подстрекали войсковое начальство к мечтательным мыслям насчет самостоятельности их отчины“ (т. е. Донского Войска).

Пробуждение национального казачьего самосознания в среде Донского Казачества, определившееся в 20-х годах XIX ст., не прошло незамеченным для декабристов, первых российских революционеров. Так, Никита Муравьев, строя проект оформления будущей России, считал возможным делить Россию в политическом отношении на 13 „держав“ и 2 „области“: Славянскую и Донскую (столицы областей: Москва и Черкасск). Пестель в „Русской Правде“ писал, что „Донской удел или так называемая земля Донских казаков, должна особенный отдельный округ образовать для того, что цель учреждения казаков состоит в снабжении российской армии столь отличною иррегулярною конницей, каковы донские казаки: почему и должны они иметь свое собственное образование, собственное правление и собственное начальство, совершенно соразмерные с целью их существования и следовательно от прочих частей государства, составляющих области, быть отделены...“ Как бы то ни было, но тенденции декабристов в отношении упорядочения судеб Казачества страдали явным недостатком, именно наличием и проявлением крайностей российского централизма! Применительно к последнему, мы имеем намерение доказать, что В. Д. Сухоруков не принадлежал к числу декабристов, а равно и то, что движение, наблюдавшееся на Дону в 20-х годах XIX ст., не имело ничего общего с движением декабристов.

Итак в период с 1820 по 1830 г. г. чаяния и устремления Донских казаков сводились в общих чертах к тому, „Казачество — для казаков“. Казачье дворянство понимало указываемое положение так, что все Донские дела подлежат решению только Донских казаков и при том исключительно на Донской территории. Известная группа организованных Донских казаков считала, что благосостояние Донского Войска может быть лишь при наличии получения полной автономии прав, как то: восстановление значения Войскового Круга, казачьих „вольностей“ и т. д. Наконец, третья группа Донских казаков почитала для себя возможным мыслить о восстановлении государственной самостоятельности Донского Войска. Указываемая группа представляла собой не что иное, как кружок донской национально мыслящей молодежи, объединившейся около В. Д. Сухорукова. К числу последователей В. Д. Сухорукова принадлежали молодые донские офицеры: Колесников, Кучеров, Кушнарев, Поснов, Селиванов и др., получившие высшее образование в Московском и Харьковском университетах. Совместная работа на поприще изучения истории Донского Войска, постоянное общение и известный умственный кругозор, определяют собой отражение радикального образа мыслей, захвативших состав кружка В. Д. Сухорукова.

Лично В. Д. Сухоруков находился в сношениях с декабристами, которые именно от него и узнали, что Донское Войско еще в XVII ст. являлось самостоятельной республикой: знакомство В. Д. Сухорукова с декабристами было произведено благодаря посредничеству А. О. Корниловича. Декабристы А. Бестужев и Рылеев,

познакомившись в 1825 году с В. Д. Сухоруковым, сообщили ему о существовании „Тайного Общества“ — главная цель коего заключалась в установлении конституционного образа правления в России. Из дальнейших разговоров, имевших место между ними, явствует, что В. Д. Сухоруков был весьма сдержан в обращении с декабристами. Мы допускаем, что В. Д. Сухоруков имел на этот счет (вопрос о взаимоотношениях с декабристами) свои собственные соображения и даже планы... Так, декабрист Завалишин указывает, что в эпоху 20-х годов XIX ст. на Дону существовали тайные организации, члены коих лелеяли мысль о восстановлении казачьего самоуправления, вспоминая о славном прошлом Донского Войска, естественно, что В. Д. Сухоруков вполне отдавал себе отчет по всем вопросам политической программы декабристов, именно в отношении Казачества, а посему и не мог быть весьма приверженным к ним, так как декабристы не особенно задумывались над отличием Казачества от русского народа, от России. В конечном итоге декабристы были обеспокоены В. Д. Сухоруковым лишь в отношении содействия распространению народного образования на Дону. И безусловно прав декабрист А. Бестужев, когда он утверждает, что В. Д. Сухоруков искал в среде членов „Тайного Общества“ нужных людей, которые могли бы оказать помощь его родине (т. е. Донскому Войску), в частности насаждению просвещения среди донских казаков, Рылеев же думал использовать знакомство В. Д. Сухорукова в смысле влияния на эскадроны лейб-гвардии казачьего полка (в Петербурге), с целью привлечения последних к поддержке декабристов.

Учитывая настроение и тенденции членов Сухорукковского кружка, можно говорить об известных симпатиях последних в отношении декабристов, но не больше... Ибо в конце концов, что могли иметь общего в своих устремлениях, с одной стороны декабристы, стремившиеся произвести революционный переворот в России с целью установления конституционного образа правления, причем система централизма в отношении окраин отнюдь ни в чем не изменялась, а с другой стороны донские казаки (кружок В. Д. Сухорукова), мечтавшие о восстановлении бытия времен Донской республики (до-Петровского периода), о возобновлении казачьего самоуправления (выборного Войскового Атамана, державного Войскового Круга). Слишком скромно называть В. Д. Сухорукова и его сотрудников всего лишь республиканцами-автономистами*, когда эти казацкие офицеры (с университетским образованием) были яркими казачьими „сепаратистами“, короче говоря, самостийниками.

Особый следственный Комитет, который производил следствие по делу декабристов, не привлек В. Д. Сухорукова к судебной ответственности, ибо показание А. Бестужева вполне определило отношение В. Д. Сухорукова к декабристам.

Следуя последовательности хода развития событий, мы ставим вопрос почему кружок В. Д. Сухорукова не примкнул к декабристам? Не потому-ли, что руководитель последнего проводил в жизнь своеобразную тенденцию!.. Так, 13 июля 1826 года последовало распоряжение верховной власти „оставить Сухорукова на Дону не отправляя в лейб-гвардии в Казачий полк, иметь (за ним) бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о его поведении“. С июля 1826 г. включительно по январю 1827 г., В. Д. Сухоруков прожил безвыездно в гор. Новочеркаске, когда III-е отделение (жандармы) потребовало от В. Д. Сухорукова список всех исторических материалов о Донском Казачестве, находившихся у него на руках, а равно „чистосердечно и откровенно объяснить, не было ли когданибудь с актов относящихся до привилегий Войска, выдано кому либо копий по службе или партикулярно“. Спустя месяц, В. Д. Сухоруков получил распоряжение от наказного Атамана Андреянова сдать все имевшиеся у него бумаги, на предмет представления последних в Петербург. 27 июля 1827 года В. Д. Сухоруков был арестован, причем жандармы отобрали у него „все акты, матери-

* См. труд проф. Сватикова „Россия и Дон“.

лы, полубелые и черновые тетради составленной уже статистики и истории (Донского Войска), и все без исключения записки". Вскоре последовало предписание В. Сухорукову отправиться на службу в Кавказскую действующую армию.

Итак в судопроизводстве по делу декабристов, В. Д. Сухоруков не был тронут, т. е. тем самым была фиксирована его полная непричастность к российскому революционному движению, а тем самым и всех членов его кружка, никогда не ставшего известным российскому правительству. Вместе с тем, приблизительно в тот же период времени В. Д. Сухоруков был подвергнут всевозможным репрессиям со стороны российской государственной власти, подозревавшим его в „казацком образе мышления“, т. е. в сепаратизме. Весьма заметную роль в последнем сыграл граф Чернышев, являвшийся оком „державного Петербурга на Дону и между прочим входивший в т. н. „Комитет 1819 года“. Именно, Чернышев доказал, что В. Д. Сухоруков являлся автором докладной записки Атамана Иловайского, поданной последним Николаю I в Москве летом 1826 года.

В. Д. Сухоруков, попав в ссылку на Кавказ, был навсегда лишен права и возможности заниматься историческими изысканиями о судьбах Казачества. Князь Паскевич, весьма симпатизировавший В. Д. Сухорукову, стремился облегчить его участь, хлопоча повсюду за „умного донца“, но ничего не мог сделать. К этому периоду времени относится пресловутая „поэтическая дуэль“ между графиней Растопчиной и В. Д. Сухоруковым. Растопчина, остановившись в ст. Аксайской (на Дону) при своем проезде на Кавказ, написала стихотворение „К Дону“ (впоследствии напечатанное в „Московском Наблюдателе“), где были приведены следующие строки:

„Ты-ль это, Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Рассказы, шумные молвы!
Тебя-ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней,
Тебе-ль отцы не повторяли
Приветы дедовских речей?
И что-ж теперь?.. Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь;
Ты не бушуешь, не кипишь,
Ты дряхл, ты хил... ты в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,
Противусмыслен, Дон седой! и т. д.

Стихотворение это дошло и до В. Д. Сухорукова, который еще тем же летом написал „Ответ Дона“ и послал его Растопчиной в Петлигорск. Стихотворение В. Д. Сухорукова, описывавшее свободу и бурное прошлое Донского Войска, было встречено с восторгом донскими казаками, выучивавшими его наизусть и передававшими его последующим поколениям. Напомним к тому же, что казаки историки, вполне оценив личность В. Д. Сухорукова, постарались сохранить для потомства и это выдающееся стихотворение (в неискаженном виде), которое отличным образом говорит о мыслях и настроениях В. Д. Сухорукова. Вот оно:

„ОТВЕТ ДОНА“.

За что, скажите, нет привета
Мне от прекрасного поэта?
Чем заслужил я злой укор?
За что, негодованья полный,
Он на мои седые волны
Нанес несправедливый позор?
Тогда как я меж берегами
Зеркальный ток кристальных вод
Без шуму, бурь и непогод
Ковром развевывал пред вами, —
И так послушен, кроток, тих
Ваш утлый челн катил на них —
Меня вы славить не хотите!
Я дряхл и хил, вы говорите:
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья
И вечность — летопись моя:

Я современник мирозданья!
И недвижим я с этих пор,
Как говорит мне ваш укор!
О как я вольно разливался
И часто грозно я шумел
Безмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!
Не я-ль ярмо татарских сил
В своих волнах похоронил
И Русь Святую возвеличил?
Не я-ль преграду протянул
И безнадежно ограничил
Черкесской вольности разгул?
И вашу родину, и нас
Спасал не я-ли столько раз?
Я вам не нравлюсь. Не за то-ли,
Что не даю моих я вод
На произвол мятежной воли,
Ветров и буйных непогод,
Что глубину мою, стремнины
Я позволяю преплывать
И вольные мои равнины
Людам ничтожным измерять?
Пускай... Быть может для народа
Ношу я блага на волнах, —
За что же мне моей свободой
Лишать нужду надежд и благ?
Величье, милостию гордиться
Я не хочу промеж степей,
Как вам Урал и Енисей
Волной ничтожною струиться...
Вы говорите: грозен я, —
Но вы видали-ль как обята
Бывает искрами заката
Моя алмазная струя?
Не грозен я, а кроток, тих:
Лишиться жаль лучей златых.
Но вы, графиня... О, теперь
Для вас я буду лютый зверь,
Я вам отмщу за поруганье
Когда, презрев грозу, мятеж,
Моих страстей негодование,
Дерзнете стать на мой рубеж (!)
Для вас я тишину нарушу,
Хребет мой грозно вознесу
И поэтическую душу
Я мыслью робкой (?) потрясу.
О, как свирепой я за волю
И хладною моею волною,
Шипящей, острой как змея,
Вас обовью злодейски я
И... нет, не бойтесь, графиня,
Я мщенья не питаю к вам
И вновь кристальной равниной
Велю упасть моим волнам...
Я понесу без бурь, смятений
К родной стране ваш милый гений,
А с ним мечты кавказских гор
И ваше нежное создание.
Я упою ваш слух и взор
Отрадою воспоминанья
И в тишине прекрасных дум
Наверное ваш светлый ум
Мое величие сознает
И ваша дивная рука
Тогда роскошно увенчает
Седые волны старика.

— Свято относиться к памяти первого Донского историка В. Д. Сухорукова, мы почитаем своею обязанностью напомнить современным казакам о нем, как и о казачьем политическом борце за свободу Казачества, предтече-провозвестнике настоящего Вольно-Казачьего движения.

Огромный успех, сопутствовавший Сухоруковскому стихотворению, вызвал новые репрессии со стороны верховной власти по отношению к автору. В частности, последовало распоряжение о переводе В. Д. Сухорукова с Кавказа в Финляндию, где В. Д. Сухоруков вновь сумел завоевать уважение всех его новых сослуживцев и знакомых. В 1836 году В. Д. Сухоруков вновь посы-

ляется в Кавказскую действующую армию, где и оканчивает свою военную службу в конце 1839 года. Развивший морально, имея в конце расшатанное здоровье, В. Д. Сухоруков выпускается в отставку без мундира и пенсии... Мало того, он (т. е. В. Д. Сухоруков) за время нахождения в действующей армии не был представлен ни к каким наградам, в частности имея все права на повышение в чинах, В. Д. Сухоруков пробыл в чине поручика ровно восемнадцать лет, включительно по день увольнения в отставку. Находясь под тайным надзором полиции, пребывая в страшной нужде (чуть не нищете) В. Д. Сухоруков умер 45 лет от роду в гор. Новочеркасск 13-го августа 1841 года.

Печальной оказалась вся жизнь и участь В. Д. Сухорукова, первого Донского историка, убежденного казака националиста: не менее печальной оказалась и судьба его исторических трудов и изысканий.

С арестом В. Д. Сухорукова и последующей высылкой его с Дона на Кавказ, работа по составлению статистики и истории Донского Войска продолжалась его сотрудниками (Кучеров, Кушнарев, Поснов и др.) включительно по 1832 год, причем была исследована и разработана эпоха бытия Донского Войска до 1709 года (т. н. до-Петровский период).

Здесь необходимо указать, что в 1827 году в „Отечественных Записках“ была напечатана статья „Мысли о происхождении Донских казаков“, принадлежащая перу Донского ген.-м. Х. П. Кирсанова. Некоторыми советами и указаниями последнего, касающимися истории Донского Войска, пользовался В. Д. Сухоруков, который и отмечает этот факт в предисловии, сопровождающем его труд.

Долгое время рукописи В. Д. Сухорукова (взятые при аресте) пребывали в архиве, пока один из его почитателей, именно известный донской деятель А. А. Карасев (70-х годов прошлого столетия) не напечатал первую часть Сухоруковского труда в издававшейся им газете „Донской Вестник“ в 1867 году, выступив в том же году изыскания по истории Донского Войска и в виде отдельной книги. Вскоре после этого газета „Донской Вестник“ была закрыта полицейской цензурой и труд В. Д. Сухорукова перестал печататься. Спустя четыре года, в 1872 году, вторая часть труда В. Д. Сухорукова была издана отдельной книгой на средства О. В. Д. Статистического Комитета. Прошло еще тридцать пять лет, когда наконец весь труд В. Д. Сухорукова (окончательно им необработанный и лишь доведенный до 1709 года) был издан опять О. В. Д. Статистическим Комитетом под наименованием „Историческое описание Земли Войска Донского“, но без обозначения имени автора (на основании запрета цензуры).

Настоящий очерк не являлся бы историческим, если-бы мы не отметили и того момента, когда российская верховная власть допустила кощунственное искажение труда В. Д. Сухорукова (продолженное и оконченное его сотрудниками в 1832 году) с определенной целью..., ибо в эпоху Николая I проводилась система „обезличивания и удушения“ моральной и физической сущности Казачества. В 1834 году проф. Чернышев (погубивший В. Д. Сухорукова), получив аудиенцию, поднес Николаю I и наследнику Александру четырехтомный „труд“ по истории Донского Войска, написанный русским офицером В. Б. Броневским и носящий название „История Донского Войска, описание земли Донской и поездка на Кавказ“. Внимательно сличая „труд“ В. Б. Броневского с трудом В. Д. Сухорукова, весьма нетрудно определить полнейшую тождественность в изложении некоторых глав у обоих авторов... В чем-же дело? Напомним, что 1822 году Н. Ф. Смирный, автор книги „Жизнь и подвиги графа М. И. Платова (Москва 1821 году г.), отказался написать историю Донского Войска, дав объяснительную мотивировку, что ему „не

из чего составить ее (т. е. историю — за отсутствием материалов)“. Касательно „Истории о Донском войске“ вышедшей в гор. Харькове 1814 г. и принадлежащей перу А. И. Ронова, мы уже говорили выше. Итак, до 1822 года не существовало никакого серьезного систематического исследования по истории Донского Войска, вследствие отсутствия сведений о местонахождении первоисточников (актов, грамот и т. д.). От 1822 г. по 1832 г. работу по исследованию истории Донского Войска, вела группа донских казачьих офицеров под руководством В. Д. Сухорукова (с конца 1826 г. без последнего), и больше никто...

Каким же образом В. Б. Броневский, не казак, никогда не живший на Дону и лишь в 1833 году пробовавший некоторое время в гор. Новочеркасск во время проезда на Кавказ, мог написать четырех-томный „труд“ по истории Донского Войска! Задача эта ныне разъяснена вполне. Граф Чернышев в 1832 г. отправил в Петербург все материалы, собранные В. Д. Сухоруковым и его сотрудниками, закончившими свою работу в 1832 г., по распоряжению верховной власти. Ценность работ Сухоруковской группы несомненна, ибо прежде всего открыты первоисточники, на основании коих сам В. Д. Сухоруков уже к 1826 г. опубликовал некоторые выводы по истории Донского Войска, совершенно неуместные и несоответствовавшие видам русского правительства в отношении Казачества. Оставить без внимания труд В. Д. Сухорукова являлось чрезвычайно опасным обстоятельством и потому необходимо было что-то предпринять, дабы парализовать ценность исторических изысканий В. Д. Сухорукова. И труд последнего исковеркал и изуродовал надлежащим образом В. Б. Броневский, написав „историю о Донском Войске...“ в благонамеренном духе для русского правительства.

Не забудем, того, что до появления „истории“ В. Б. Броневского ученики средне-учебных заведений России изучали по учебнику истории Устрелова и учебнику географии Арсеньева (оба учебника имели более тридцати изданий), что существует „казачий народ“ и что в состав славянского племени входят: „русские, поляки, казаки и т. д.“. Отмечая выводы В. Б. Броневского: „благодаря уничтожению Войскового Круга, образование Казачества из беглого русского крестьянства и т. д., именно от „историка“ В. Б. Броневского стала общепризнанной „истина“ о происхождении Казачества от беглых русских холопов, упорно вдалбливаемая с тех пор профессорами и педагогами в головы русской учащейся молодежи...

Много лет тому назад писал видный Донской деятель А. А. Карасев: „Если позволят обстоятельства, я постараюсь препроводить в „Русскую Старину“ биографию Сухорукова, а также автографы тех русских литераторов, с которыми Сухоруков состоял в переписке. Часть этих автографов помещена в бывшей и прекратившейся под моей редакцией газеты „Донской Вестник“,*) а часть их и самое описание жизни Сухорукова, не могли быть напечатаны в провинциальном издании по некоторым грустным причинам...“(**)

Строки эти и подтолкнули меня написать настоящий очерк, посвятив предварительно несколько лет кропотливой и весьма трудной работе по собиранию материалов о первом донском историке В. Д. Сухорукове. Отмечается с гордостью, что о В. Д. Сухорукове вспоминают и хранят благодарную память лишь казаки самостийники!

*) Прим. авт. — закрыта по распоряжению III-го отделения.

**) Прим. авт. — вмешательство полицейской цензуры.

Др. Ә. Хара-Даван.

Создание наций.

(Из труда автора „Национальный вопрос“).

(Окончание).

В каждом обществе, под влиянием социального общения и подражания, вырабатывается постоянный тип действий, выражений и характера, что способствует образованию однородного типа, общего языка, общих понятий и меры жизни.

Каждый род, племя и нация обладает собственным социальным разумом или сознанием, не похожим, подобно ее физической внешности, на социальный разум другой нации. Чувство и мысль появляются в индивидуумах, но над его волей властвует социальный разум.

Высшим объектом социальной ценности является сам род, как характерный тип сознательной жизни общества. Каждый род, племя и нация ценит очень высоко свои собственные характерные черты, что является социальной связью между индивидуумами этого рода, племени или нации. Любовь и привязанность их к этой своей социальной связи выражается в любви к своей нации, к ее территории и всему, что принадлежит к его нации. Это называется патриотизмом. Сюда относится любовь к своему отечеству, вождям, героям, обрядам, законам, культу, памятникам национальной старины и истории.

Подражание, как фактор создания национальности, сильную роль играло в первобытном обществе, где шла грубая борьба человека с зверями. Кто имел лучшее оружие для этой борьбы, тот успевал. Социальное подражание принимается родом, племенем или народностью, как традиция, обычай и он ставится тогда под охраной религии и нарушитель его есть преступник.

Такие народы отличаются сильной национальной традицией, которая служит для их самосохранения. Накопленный опыт подражания предыдущего поколения передается последующим в форме систематизированного социального подражания, называемое нами воспитанием.

Замещение изобретений идет в мировом масштабе, как интернациональные средства борьбы за существование.

Роль и значение кочевников в создании национальностей очень важна. Вначале нашей истории, они вызывались размножением населения в одних местах, оскудением примитивных средств к существованию и наличием свободных пространств в других местах. Переселение кочевников шло на больших пространствах, причем часто происходил разрыв нации. По пути следования движущегося народа происходило смешение с коренным населением и это должно было выявиться особенно сильно. Здесь нам надо искать истоки происхождения наций. Язык и нравы, прикочевавшей особенно численной группы, смешавшись с местными особыми нравами и языком, образуют новую нацию с новым языком.

В образовании русской нации, кроме славян, приняли участие еще варяги с севера, скифы с юга и монголо-татары с юго-востока. Когда в 1206 г. Чингис-хан на народном собрании (курултае) над всеми им завоеванными народами (кочующими племенами) провозгласил одно имя монгол, то среди них было большинство монгольских племен, а меньшинство было из тюркских кочующих племен (одной расы) близкие по языку и быту.

Кроме упомянутых раньше путей черной и желтой расы в Европу в доисторическое время, мы знаем переселение народов из Азии за время историческое. Причем народы шли двумя путями в Европу: на юг через Центральную Азию в обход с юга Каспийского моря в Малую Азию и Северную Африку, которая тогда не была отделена от Европы. Этим путем переселились, например, современные турки в 13 веке, спугнутые в Центральной Азии войнами Чингис-хана. Как они тогда прошли через уже населенные места, остается тайной, но мы знаем, османские турки получили в

результате смешения пришельцев с местными старожителями Малой Азии и они из кочевников превратились в оседлых.

Через исторические ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем в славянские степи и далее на запад шли следующие кочевники в хронологическом порядке: скифы, гунны, хазары, авары, венгры, болгары, половцы и последними в 13 веке пришли монголо-татары, хотя последние явились, как вооруженная сила сперва, а затем лишь после завоевания видимо произошло переселение их семей со стадами. Самым последним переселением народа по этому пути надо считать переселение из Джунгарии современных калмыков на низовье Волги в первой половине 17 века во главе с своим ханом Хо-Орликом. Большая часть их укотчала обратно через 150 лет.. Это была первая обратная волна переселения народов с запада на восток. Все это доказывает как нации передвигались, смешивались и, в результате, одни исчезали с исторической сцены, а новые создавались. Где теперь хазары, сарматы, половцы? Не может быть, чтобы они были уничтожены, тем более, что эти кочевники победоносно прокладывая себе путь. Вернее, в длинном своем пути они разбрасывались, некоторые части шли в другом направлении и там ассимилировались с местными жителями. так как они передвигались не в пустом пространстве, а уже по населенному месту. Можно смело сказать, что бурные потоки кочевников потопили людское море Запада.

Факт человеческого общения и подражания проходит всюду красной нитью.

После механического соединения разных племен в одно, всегда существующая разность в характере, душе, взглядах и понятиях производит в начале некоторое трение в новом государстве, пока эти различия не сотрутся от совместной жизни и усиленного, чем раньше, общения, через одно, два поколения путем общего воспитания в одних и тех же условиях воспитания. У молодого поколения эти различия перестают быть заметными и вновь присоединившиеся становятся такими же патриотами, как и остальное племя, их присоединившее. Общее воспитание, школа в духовном объединении разных племен одной и той же нации играет главную роль.

Через школы, университеты, вообще через передачу культуры больше всего удается подчинить совсем чужую национальность. Например, руссификация части инородческой интеллигенции в России, онемечивание славян в 6. Австрия происходило — путем воспитания через школы.

Если обратиться к историческим личностям в русской истории, то можно встретить не меньше фамилий руссифицированных инородцев, чем настоящих русских. Так А. С. Пушкин — араб, Лермонтов — шотландец, Лорис-Меликов — армянин, Борис Годунов и св. Петр (царевич Ордынский) были татарского происхождения, Плевако, знаменитый адвокат, прозванный за красноречие „соловьем“ — калмык, ген. Корнилов — бурятского происхождения, бар. Врангель — немец, В. Ленин татарского происхождения, Сталин — грузин и имя им легион, — все они, не будучи чисто русскими людьми, представляли собою русские национальные типы и выражали национальную душу. Так создаются нации.

Мы утверждаем национальность в противоположность интернационализму, но мы не отвергаем этим интернационального элемента при образовании и эволюции национальности вообще. Роль их была значительна на самых ранних ступенях существования национальности, а тем более в наше время, когда все уголки мира сообщаются, победив время и пространство почтой, телеграммой, телефоном, радиом, экспрессом и аэропланом, приобщившись к современной технике и вообще материальной культуре. К тому же на-

до иметь в виду все возрастающее взаимодействие путем печати и личных сношений в области права, верований, науки и искусства, чтобы понять какой плотной тканью международных воздействий окружен теперь каждый народ.

Надо прибавить к этому выступление на мировую сцену „заснувших народов“ желтой расы в Азии и черной в Африке, после мировой войны в особенности, чтобы понять фактическое опровержение националистического учения еврейских ученых и расистов о неравенстве рас, преимуществе белой расы и постепенное отступление Европы перед этим пробуждением немых до сих пор континентов.

Все это утверждает в нас понятие о мировом торжестве идеи национальности и что национальность, как живое творческое начало, есть явление нашего времени. Некоторые склонны приписывать на основании выше сказанного большую роль всеневелирующему капитализму, но мы можем констатировать, что он не мог справиться с национальными различиями, а сопутствующее ему социалистическое движение, при всем своем материальном единообразии, приняло у различных национальностей различные формы. С ростом культуры и цивилизации нарастают и консолидируются национальные различия и разгораются национальные самознания. Это доказывается тем влиянием, которое современный капитализм и цивилизация оказали на пробуждение к исторической жизни многих угнетенных и уснувших наций, которых космополитики и империалисты „великих наций“ осудили на исчезновение. К такому можно отнести пробуждение и создание национальных своих государств Югославии, Чехословакии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. В то же время, „великие нации“ с капиталистической куль-

турой в периоде экспансивного их развития, вступают в империалистический период своей жизни.

Нация, как политическое и хозяйственное объединение какого-нибудь народа, представляет собой организацию этой последней для борьбы за свое существование и для защиты своей независимости. У нации, как таковой, нет никакой цели, которая выходила бы за ее пределы, она является самоцелью. Нация это форма, в которой человек проявляет себя, как социальное существо. Это естественное регулирование человеческих отношений, дающее людям возможность общими усилиями развивать свои жизненные идеалы и творческие способности. Нация имеет и политическую организацию, но она служит лишь одной особой цели — самосохранению. Эта политическая организация имеет отношение к власти, но не к идеалу нации. Поэтому она была прежде особой областью, предоставленной специалистам. Так было не только на востоке, но и на западе до вступления последней на путь капиталистической культуры, когда при помощи капитала с ее все развивающейся техникой, политика начинает приобретать все большее значение и давать обильную жатву в поисках все новых колоний и рынков для сбыта товаров, когда нация с изумительной скоростью переступает свои границы. Тогда она у всех соседей вызывает ненасытное стремление к материальным выгодам и взаимное соревнование. Так нация приобретает характер империалистический. И так как все нации вынуждены опасаться друг друга, то всем приходится стремиться к могуществу. Но наступает момент, когда люди уже ни перед чем не останавливаются, так как конкуренция становится все ожесточеннее, капиталистическая организация все увеличивается и эгоизм нации делается все могучим.

На темы дня.

Каждый человек, постепенно вырастая и совершенствуясь, начинает более правильно понимать окружающую действительность... То же самое мы видим и у отдельных народов. Народ постепенно пробуждается к национальной жизни, отдельные его члены осознают общность интересов всего своего народа.

Среди пробуждающейся национальности появляются вожди, которые указывают своему народу наиболее правильные, наиболее близкие пути к лучшей духовной и материальной жизни...

В эмиграции уже Казачество обдумывает дела прошлого, ищет причины своего поражения в недавней войне, изучает свое далекое и близкое прошлое и ищет правильный дорогу к лучшему будущему...

Постепенно оформилось вольно-казачье движение, вольно-казачий звон-журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“ зовет казаков на казачий майдан своим разумом, своею головою решать свои дела...

Обломки бывлой разрушившейся и разрушающейся далее русской неделимой, обломки старой русской идеологии, ничему не научившиеся и ничего не понимающие русские люди, естественно, с пеной у рта, со скрежетом зубным, с перекосившимися от ненависти и ужаса физиономиями, набрасываются на вольных казаков...

Среди этого сонма русских политических слепцов, близоруких русских людей, оказались и „отцы-атаманы“ казаки. Они издают приказы, угрожают, шипят ненавистью, бессильной злобой... Но, не они опасны для Казачества. Если царская Россия „Божиею милостию“ двести лет теснила казаков духовно и материально, если эта Россия прошлого, двести лет воспитывавшая в казаках любовь к себе, в конце концов не сумела убить вольно-казачью душу, не сумела вытравить в казаках любовь к своей свободе и независимой государственной жизни, то теперь уже все приспешники и защитники ее не смогут повести казаков за собою...

Пусть эти люди и далее называют себя Атаманами, пусть издают никому ненужные и никем не исполняемые приказы, пусть утешают себя своими титулами,

которые могут удерживать за собой только благодаря безнаказанности в эмигрантских условиях жизни. Лебединая песня их спета.

Опасными для Казачества являются не те люди, которые тнут казаков „спасать мать-Россию“, ибо эту „работу“ казаки хорошо видят... Более опасными являются, как всегда и всюду, волки в овечьих шкурах. Более опасными являются те, кто прикидывается друзьями Вольного Казачества, а на самом деле служат работодателям Казачества...

Я очень внимательно наблюдаю за вольно-казачьим движением, наблюдаю за всей работой, которая ведется в современном центре этого движения — в Праге. Присматриваюсь и к тому, как истинные друзья Казачества ведут свою работу и как этой работе стараются мешать разные „людишки“...

Большим грехом вождей самостийного казачьего движения на родной земле было, между прочим, и то, что эти вожди замалчивали, не говорили публично перед казачьей аудиторией правды о предателях Казачества, которые находились в самой казачьей среде. Теперь мы с грустью и, надо правду сказать, со злобой и скрежетом зубным, читаем разоблачения о предательской работе в 1917—1920 г. г. разных казачьих деятелей и целых организаций, составившихся из этих гробокопателей Казачества...

Если Казачество хочет выиграть свое дело борьбы, оно должно внимательно присматриваться к окружающей действительности, особенно внимательно следить за „работой“ разных „дельцов“, чтобы во-время поймать и уличить волков в овечьей шкуре.

Невольно мое внимание останавливает, скажем, факт яростной атаки, которую ведет против редактора журнала „Вольное Казачество“, И. Билого, группа людей, именующая себя тоже „вольными казаками“.

В номере 2(216) журнала „Кавказский Казак“, за февраль месяц 1933 г., между прочим, напечатано сообщение о том, что председателем „Объединения Воль-

ного Казачества“ в Праге является доктор, инженер С. А. Федоров.

В следующих двух номерах этого же журнала „Кавказский Казак“ помещены различные нападки на редактора журнала „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“, И. А. Билого.

И. А. Билого я знаю более 30 лет. Знаю, что он „вылез в люди“ из простой казачьей семьи; исключительно благодаря своей большой трудоспособности за три года (1903—1906) сумел с успехом окончить Кубанскую Войсковую учительскую семинарию (это была в то время единственная школа на Кубани, в которую мог попасть и сын простого казака); уже через год после окончания семинарии выдержал с успехом экзамен на аттестат зрелости при Владикавказской гимназии, потом успешно окончил физико-математический факультет Петроградского университета (в 1912 г.), был преподавателем математики в 1-ом Кубанском Войсковом реальном училище. И, вместе с тем, принимал весьма активное участие в общественной и политической жизни на Кубани еще перед революцией 1917 года; не раз избирался казаками на с'езды представителей станиц, строивших Черноморско-Кубанскую железную дорогу, или кооперативные с'езды; был соредактором и соиздателем газеты „Кубанская Мысль“, газеты демократической, прогрессивной, защищавшей и казачьи интересы; на с'езде представителей кубанских учителей в 1916 г. был избран председателем Правления О-ва учащихся и учивших Куб. обл. и Черн. губ. и до самой революции весьма успешно руководил работой этой большой кубанской организации, будучи одновременно и редактором издававшегося этой организацией ежемесячного журнала „Кубанская Школа“.

Ну, а потом?

В 1917 г. мы видим И. Билого в составе Кубанского Областного Исполнительного Комитета по выбору от Кубанского Казачества; членом Областного Совета; членом первого Кубанского Войскового Правительства, поставленного на Кубани 4-го июля 1917 г.; членом Кубанской Войсковой Рады в сентябре-декабре месяцах 1917 г.; членом Кубанской Законодательной Рады, избранной в октябре месяце 1917 года на Войсковой Раде; делегатом Юговосточного правительства и Кубанского правительства к правительству Украины в ноябре 1917 г. Все выступления И. Билого на заседаниях представителей казаков Таманского отдела, — членом Рады, на заседаниях комиссий Кубанских Рад и т. д. отличались ясностью самостийнической казачьей мысли, ясностью программы самостийнического казачьего движения.

Далее мы видим И. Билого участником 1-го Кубанского похода; членом Кубанской Краевой Чрезвычайной Рады осени 1918 г.; потом эта Рада послала И. Билого, вместе с Л. Л. Бычом и другими (между ними был и замученный русскими людьми — А. И. Кулабухов), на мировую Конференцию в Париж защищать интересы Кубанского Казачества в центре мировой политики. По возвращении Билого в мае месяце 1919 г. из Парижа, мы видим его на Конференции представителей Дона, Кубани и Терека, потом на т. наз. Южно-Русской Конференции по уполномочию Кубанской Законодательной Рады. Я знаю, что в то страшное для самостийников (не только кубанских) время Кубанская Рада посылала на Конференции своих лучших людей. Ведь это тогда русские люди объявили „поход на Москву“, признали единое общерусское правительство адмирала Колчака, убили в Ростове председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябова, завоевали Украину, воевали с горцами, с Грузией и т. д. Тогда, ведь, в Париже представители Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины, Грузии, Азербейджана еще безуспешно добивались признания своих республик. Кубанские самостийники были атакованы врагами буквально со всех сторон и даже изнутри — кубанскими „русскими казаками“... И в это страшное время Билый, вместе с другими членами Кубанской делегации (И. Макаренко — председатель ее), выявили блестящее понимание стоявшей перед ними задачи и проявили большое умение в защите истинных интересов Казачества.

Легко теперь, в эмиграции, примазываться к самостийникам, а попробовали бы они тогда в осинном гнезде русских опытных единонедельмцев защищать практические казачьи освободительные движения!..

Потом мы видим И. Билого в конце декабря 1919 и в начале 1920 г. на Кубанской Краевой Раде „гнева народного“, когда эта Рада ликвидировала последствия произведенного над Кубанью насилия... Далее И. Билый в Верховном Кругу Дона, Кубани, и Терека... Потом — снова поход. Потом — в Тифлисе, а оттуда — председателем делегации Кубанской Республики в Польшу и на Украину...

Осенью 1921 года И. Билый уже редактирует самостийную казачью газету „Голос Казачества“ (первую газету казачьих самостийников в эмиграции)... С конца 1922 г. он работает в Праге — принимает деятельное участие в работе Общества Кубанцев и, в конце концов, с 1927 года, вместе с другими, приступил к изданию журнала „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“. Журнал этот, как известно, выходит с того времени весьма регулярно каждые две недели...

Словом, одно только неполное перечисление главных фактов из деятельности И. Билого за тридцать лет (1903—1933) может свидетельствовать о том, что он прошел хорошую школу перед тем, как взял в свои руки руководство таким ответственным и чрезвычайно важным делом, как организация Вольно-Казачьего движения в тяжелых условиях эмигрантской жизни. За эти 30 долгих лет И. Билый показал себя весьма упорным работником, твердую ногою идущим к раз поставленной цели.

Журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“, без сомнения, пользуется заслуженным успехом не только у казаков, но и у представителей других, поработенных Россией, народов...

И вдруг читаю в журнале „Кавказский Казак“ (за 1933 г.) заявление вышеупомянутого Сергея Федорова — сплошную ругань в адрес И. Билого! А кончается эта базарная ругань весьма „скромным“ заявлением: „Билый — пустое место“.

Что, думаю, за открытие такое?! Человек добрых тридцать лет проработал, занимал на Кубани весьма ответственные посты по выбору кубанского казачества, работает столько и за границей, выпустил в свет 130 номеров журнала „В. К.“, а оказывается, что Сергей Федоров, именующий себя (и другие его так именуют) в том же журнале „Кавказский Казак“ ни мало ни много секретарем „Общества изучения Казачества“ вдруг так и бабахнул на весь казачий и неказачий свет „Билый — пустое место“. Вот, думаю, до чего доводит изучение Казачества! Тут просто ум за разум заходит. Ведь только подумать, только вдуматься хорошенько! Ведь этот присуд вынес не простой там смертный, а (читаю в журналах) доктор, инженер, полковник, да еще и председатель Правления „Объединения Вольного Казачества“, да еще и сам секретарь „Общества изучения Казачества“!

Изучал, изучал человек Казачество, да и решил напечатать свой присуд.

Ничего не разберу! Аж голова ходором ходит! Билого давно и хорошо знаю, а тут тебе и на!

Почему вдруг такое открытие? Да не пора ли просто растерзать этого Билого Игната?!

Меня, признаюсь, не интересует фигура доктора, инженера, полковника и проч. и проч. Федорова Сергея. Меня интересует правда, меня интересует казачий читатель, те казаки, что с киркой или молотом и напильником, или с вилами в руках добывают тяжелым трудом в эмиграции свой кусок хлеба. Меня интересуют те казаки, что мучаются в большевицкой неволе и ждут поддержки из-за гравиты...

Что же такой этот доктор, инженер полковник и проч. и проч., что осмеливается обливаться помоями заслуженного казачьего деятеля?

И то эти г. г., которые дают приют на своих страницах этим докторско-инженерско-полковничьим измышлениям?

Почему они так тесно сплотились в борьбе против редактора И. Билого?

Я несколько не удивляюсь тому, что русская пресса с такой радостью перепечатывает любую хулу на вольно-казачье движение. Русские люди свой родной народ водили в лаптях, морили голодом в курных избах, полных тараканов и прочей нечисти, русские люди свой народ держали в темноте кромешной... Все это мы все хорошо знаем!

Русские люди видят, что на их глазах отделились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша... И теперь, видя, что и среди казаков явно укрепляется самостоятельное освободительное движение, со злостью, с негодованием набрасываются на руководителей Вольно-Казачьего движения!

Но почему в их рядах Сергей Федоров, именующий себя председателем „Объединения Вольного Казачества“.

С. Федорова я наблюдаю с 1922 года, когда он появился в Праге проездом в город Подебрады, где он был принят в Украинскую Господарскую Академию. Уже там Сергей Федоров стремился играть „первую скрипку“ среди кубанцев. Кубанцы долго присматривались к нему. В конце концов Кубанское Землячество своим постановлением 6-го января 1925 года исключило Сергея Федорова из состава Землячества, при чем, как видно из протокола общего собрания, постановление об исключении С. Федорова принято единогласно при 3-х воздержавшихся. В постановлении, между прочим, имеется такое место: „Землячество не дойна корова и использовать себя отдельным членам не позволяет“.

С. Федоров был в Украинской Академии с 1922 г.; до момента его единогласного исключения из Кубанского Землячества прошло три с лишним года. Кубанцы за это время могли очень хорошо изучить своего коллегу — С. Федорова, а в результате — единогласно исключили из своей среды. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что кубанское землячество, за немногими исключениями, состояло из кубанских казаков-офицеров.

Один этот факт, кажется, достаточно характеризует С. Федорова. Ведь ни один кубанец, как видно из протокола, не нашел для себя возможным и нужным хотя бы поднять руку в защиту Сергея Федорова при голосовании.

Сравниваю: И. Билый множество раз, на родной земле и вне ее, по выборам родного Войска и Края, занимал ответственные посты и с успехом исполнял данные ему Кубанским Войском и Кубанским Краем поручения; а Сергея Федорова Кубанское Землячество единогласно исключило из своего состава.

Кубанское Землячество в Подебрадах „раскусило“ фигуру Сергея Федорова и единогласным решением показало ему на выходные двери, а вместе с тем, формально внесло предложение и в Общество Кубанцев в Праге об исключении С. Федорова и из этого Общества.

Повторяю, меня не интересует физическая фигура Федорова. Меня удивляет то, как люди могут что-то аргументировать, что-то доказывать или опровергать, ссылаясь на С. Федорова.

Посмотрите, в каких только журналах не сотрудничал этот председатель Правления „Объединения Вольного Казачества“. Издавал когда то в Праге В. Харлимов журнал „Казачий Путь“ (он же „Путь Казачества“), защищал в этом журнале единую неделимую („федеративную“) Россию. И Сергей Федоров деятельно сотрудничал в этом журнале. Начали издавать в Париже журнал „Казачье дело“ защищавший самостоятельность Дона. Сергея Федорова сотрудничал и там.

Издавал в Париже известный „вождь“ донского казачества, Мельников, журнал „Родимый Край“ и проповедывал единую неделимую Россию, всеми мерами боролся против самостоятельного казачьего движения. Среди активных сотрудников и этого журнала мы видим вездесущего Сергея Федорова. Видели мы его также и среди сотрудников журнала „Вольное Казачество-Вильне Козацтво“ пока его и тут „не раскусили“... Тогда С. Федоров „потянул“ редактора И. Билого в чешский суд, требуя уплаты денег (содержание за 11 месяцев, которые, 11 месяцев, он, Федоров, ждал, что его Билый „пригласит на работу“; гонорар за напи-

санные им, Федоровым, статьи, но редактором к печати не принятые, и др.). Чешский суд разобрал дело и в иске Ф. отказал...

Сейчас Ф. работает в „Кавказском Казаке“.

С. Федоров, сотрудничающий одновременно в журналах, защищающих единую неделимую, и в журнале, который борется за освобождение Казакии, это явление типичное для всякого безвременья, для переходных периодов в истории народов и государств. Это — типичные служители „и нашим и вашим“, это идейные бесхребетники, люди без руля и без ветрил. Они не служат идее, они появляются всюду, где находят какую либо выгоду для себя...

С. Федоров человек не молодой. Свои писания подписывает многими тигулами. Значит, мог бы отвечать за свое политическое поведение. Не хочу ничего говорить об организации, носящей наименование „Объединение Вольного Казачества“, где Сергей Федоров состоит председателем и откуда ведется „обстрел“ журнала „Вольное Казачество“ и, особенно, его редактора Билого. Я не хочу говорить неприятных вещей для этой, хотя и небольшой, но все таки группировки живых людей. Это их дело выбирать для себя не только председателя, но и пути и методы для достижения определенной цели. Но если эти люди с такою яростью набрасываются на редактора „В. К.“, позволительно спросить их: за что они ведут борьбу?

Передо мною лежит номер 2 (92) журнала „Кавказский Казак“ за 1931 год и в этом номере я читаю статью „По поводу одной претензии“, статью подписанную — полк. С. Федоров, д-р прав, инженер-экономист. И в этой статье С. Федоров останавливается на вопросе о правах генерала Науменко именовать себя Кубанским Войсковым Атаманом. Никто не принуждал С. Федорова писать то или иное по этому поводу, приходится к тем или иным выводам. И что же, С. Федоров пишет, что „подчинение его (ген. Науменка) власти есть моральный долг каждого кубанца... Наш же долг и наша обязанность поддерживать его авторитет везде и всюду, кто чем может“.

Известно всем, что генерал В. Науменко был на Кубани военным министром с декабря месяца 1918 и до середины сентября 1919 года; известно, что ген. Науменко присягал служить верно и честно Кубанскому Краю; известно, что г. Науменко перед казаками клялся исполнять постановления Кубанской Рады и, в первую очередь, постановления Краевой Рады об организации самостоятельной Кубанской армии; известно, что ген. Науменко слова своего не сдержал и, вместо организации Кубанской армии, внес в Законодательную Радку „Штабы Походного Атамана“, которые эта Рада с гневом отбросила в мае месяца 1919 года; известно также, что и после этого ген. Науменко Кубанской армии не организовывал, продолжая оставаться на посту министра военных дел; известно также, что ген. Науменко всячески затягивал дело с поставкой лошадей для кубанских полков, храбро дравшихся на Маньчже, у Царицына и Камышина; известно, что Кубанская Законодательная Рада, видя такой саботаж, своим постановлением, принятым в конце июля 1919 года, ассигновала 42 миллиона рублей на закупку лошадей; известно также, что Кубанская Законодательная Рада, исчерпав все меры воздействия на ген. Науменка, предъявила ему запрос в конце августа 1919 года, требуя в двухнедельный срок дать исчерпывающие и документальные объяснения, главным образом, по вопросу об организации Кубанской армии и заготовке теплого обмундирования для нее на зиму 1919-1920 г.; известно также, что ген. Науменко выступил перед Радой 14-го сентября 1919 г. с объяснениями по этому запросу и при этом заявил, что он Кубанской армии не организовывал и организовывать не будет; известно также, что глубоко возмущенная Законодательная Рада открытым поименным голосованием выразила недоверие ген. Науменко, как военному министру Кубани, вследствие чего он принужден был оставить пост военного министра и удалиться под крылышко Врангеля-Деникина; известно также, что ген. Науменко принимал весьма активное участие в подготовке вооруженного переворота на Кубани и насилия над Радой, произведе-

денного в ноябре месяце 1919 года; известно, что Кубань была унижена, над самой Радой насмеялись, защитника казачьих интересов, А. И. Кулабухова, повесили, членов Рады арестовывали...

Все это известно. Все это — голые факты!

И вот, именующий себя вольным казаком, Сергей Федоров, не моргая глазами, провозглашает: „Наш долг и наша обязанность поддерживать его (ген. Науменка) авторитет везде и всюду, кто чем может“...

А в это время, в том же журнале „Кавказский Казак“, как известно, ген. Науменко призывает кубанцев служить матери-России.

До какого душевного состояния должен дойти человек, чтобы называть себя вольным казаком, говорить и писать о борьбе с Россией за освобождение Казачества и, в то же время, убеждать казаков в том, что „подчинение власти его (ген. Науменка) есть моральный долг каждого кубанца“.

Ген. Науменко предавал Кубань, нарушал присягу и был за это уволен с поста министра законным голосованием законной Кубанской Законодательной Рады; ген. Науменко участвовал в подготовке страшного насилия над Радой, над Кубанью, а „вольный казак“ аргументирует доводами морали необходимость поддержки генерала Науменка.

Как далеко заходят, как низко падают современные защитники морали! Грустно все это.

Казаки кубанцы говорят: „Голодна собака по всіх дворах борщу шукає“. С. Федоров живет хорошо и даже богато. Поэтому нельзя объяснить голодом его путешествия по редакциям самых разнородных журналов...

А чем?

Как видим, принятую на себя обязанность „поддерживать его (Науменка) авторитет везде и всюду, кто чем может“, С. Федоров выполняет — он со злобой, не брезгая никакими средствами, набрасывается на современного руководителя вольно-казачьего движения.

Билый, конечно, опасен для ген. Науменка и его сообщников тем, что шаг за шагом, с документами в руках, разоблачает предательскую деятельность врагов не только Кубанского, но и всего Казачества. Каждый номер журнала „Вольное Казачество“ это железный костыль в политический гроб предателей Казачества...

И защитники их неистовствуют, брызжут слюной, лгут явно и подло, лгут откровенно, лишь бы защитить своих покровителей...

Но, слишком далеко зашли они, это волки в овечьей шкуре...

Ложь и клевета — плохое оружие. Потерявшие всякую совесть клеветники на вольное казачество принуждены будут поступить так, как сказано в святом письме — „и возвратися пес на блевотину свою“.

Старый казак Иван Будяк.

Думы и мысли.

Что нам делать?

Я считаю, что статья „Что нам делать“ в номере 127 „БК“ является не личным гласом Антона Кошкина, а гласом Остапа, гласом лучшего казака: „Казаки слышите ли вы наш зов? Если слышите, то почему ничего не делаете?“

Наши деды никогда не спрашивали о количестве врага. Они только спрашивали, где он. В настоящее же время мы как-то жмемся, больше интересуемся тем, сколько нас есть, больше следим за тем, что в числе вольных казаков еще не все казаки эмигранты, а только часть и это последнее разочаровывает нас. Что, мол, дескать, как же? И идея у нас хорошая, а вот не все казаки с нами.

На эти думы казака мне хочется сказать следующее. Всегда будет недоразумение и колебание там, где будут смотреть и на Хому, и на Ерему. В силу исторических причин, Казачество не является однородным элементом на все 100%. Многовековая руссификаторская политика смешала казацьи кристаллы с мусором. Теперь же, когда в силу сложившейся обстановки (революция), произошла реакция, весь мусор стал всплывать наверх, увлекая с собой и незначительную часть чистых кристаллов Казачества. Что именно я разумею под словом мусор? —

1. Казаков (и иногородних) „верою и правдою“ удостоившихся получения от российских монархов дворянства и участков земли, вырезанных (участков) из казацьей территории против воли казацьей и по сей день думающих о восстановлении монархии в России, как образа правления, наличие которого, по их надеждам, может обеспечить возвращение прав им на новое владение отобранными у них Радой землями.

2. Скупых казаков, служивших в конвое его величества, целовавшихся с царем (христосовавшихся) и набивавших свои сундуки всякими сукнами (не жизнь, а масленица), галунами, серебром и пр. барахлом. Они думают, что опять будут служить в той же гвардии и что еще раз набьют свои сундуки.

3. Казаков, верящих обещаниям русских и не на шутку думающих, что их Россия (или русский народ) не забудет и непременно даст дворянство, участки, бобровые воротники и... по коробке маку.

4. Казаков-трусов. Чем больший трус, тем в большей степени он нуждается в защите. Такой казак не

может вам объяснить, почему он туда идет. Это — стадное животное. Где больше стадо, туда и он плетется.

Под кристаллами, уплывшими вместе с мусором, я подразумеваю:

1. Казаков, имеющих личную симпатию и привычку к офицеру, равняющемуся на „единую и неделимую“.

2. Казаков, боящихся остаться без работы, в силу могущих быть репрессий со стороны В. Атаманов.

3. Казаков, никогда ничего не читающих и не вникающих в суть происходящих вокруг них событий. Такие казаки по инерции продолжают оставаться в стане единомышленников. Их может быть много.

В общем, и в том случае, если бы казаки последних трех рубрик все до единого перешли бы к вольным казакам, то и тогда ряды единомышленников не остались бы без „казаков“. Поэтому всякие наши потуги перетянуть всех до единого на нашу сторону, будут излишними. Мы можем перетянуть много, но не всех (только казаков последних трех рубрик). И поэтому на то, что „у нас нет общей идеи“ и нет „общего начала“, мы можем теперь уже смотреть несколькими новыми глазами. Мы должны на это смотреть как на естественное явление, как на последствия российской политики прошлого времени. Не считаться с этим явлением нельзя. Мы должны признать, что казацья эмиграция не может быть единомыслящей, что она разделена на два враждебные друг другу лагеря: на казаков националистов, т. е. вольных казаков, и на казаков пресмыкающихся. Чем скорее мы это признаем, тем больше дела сделаем. А дел у нас много и дел неотложных.

Кошкин говорит: каждый кует свое будущее, но отдельные малые усилия, слившись, дают крупное течение, которое иногда способно направлять это будущее по желанному руслу“. Совершенно верно. Но что нам нужно сделать для того, чтобы „отдельные малые усилия“ могли бы слиться и дать „крупное течение“ по желанному руслу?

Для разрешения этого вопроса нам, вольным казакам, не нужно забывать того, что мы, находясь „в единственном числе“, не представляем из себя единицы, с которой могли бы считаться народы других государств. Мы, „малое усилие“, бессильны дать „большое течение“. Поэтому нам нужно искать другие „малые усилия“, т. е. союзников и слиться с ними для образования „крупного течения“. Кто же может быть нашим

союзником? Нашими союзниками могут быть и по общности интересов должны быть национальные организации всех порабожденных СССР-ней народов. Но для осуществления заключения союза с ними мы должны иметь своего официального руководителя. Дело ведь в том, что в эмиграции хоть и имеются члены Рады или Кругов, но они не имеют от нас полномочий на выражение нашей политической физиономии в эмиграции. Законными являются у нас только эмигр. атаманы станиц, ибо они избирались законно или переизбирались казаками по истечении законного срока.

Относительно же нынешних Войсковых Атаманов сказать этого нельзя, ибо, (не говоря о том, как они выбраны) законные сроки их атаманств давно уже истекли. Как видите, мы сидим без законных руководителей. Теперь общность интересов вольных казаков всех Войск диктует нам выбирать Атамана Президента, который, и будет заключать соглашения с национальными организациями порабожденных СССР. народов.

Что же нам нужно сделать для того, чтобы выбрать Атамана Президента? По моему, вот что:

1. Созвать ВК с'езд. На страницах „ВК“ нужно оповестить вольных казаков о том: 1. кто будет иметь право быть членом ВКС. 2. О количестве членов ВКС. 3. О расходах, сопряженных с созывом и организацией ВКС. 4. Об организации вольноказачьей кассы. 5. О содержании Атамана Президента и т. д.

Самым главным из этих вопросов является вопрос третий, ибо теперь уже такое время настало, что кроме кулака единодушия, должен быть и еще кулак денежный. Первый кулак, хоть и маленький, мы имеем.

Относительно же второго... страшно подумать. Может быть нам и удалось бы где-нибудь достать заем, если бы мы представляли из себя вполне законченную организацию, но в том виде, в каком мы есть, думаю, что попытки к займу невозможны. Да, „жизнь требует от нас большего напряжения“. Но в чем оно заключается? А вот в чем:

Если момент требует немедленного осуществления ВК с'езда и для того требуется 10000 долларов, а нас, вольных казаков, есть, положим, 500 человек, то большим для нас напряжением было бы, если мы, при всей нашей бедности, обложив себя по 20 долларов, все же внесли бы эту (10000) сумму в самый наикратчайший срок. Вот это и было бы одной из напряженных жертв.

„А если у меня нет денег“ — крикнет единодельце, которого вольные казаки считают за казака — „тогда как же?“ Должен взять аванс на той фабрике, где работаешь и потом отработать ей. „А если мне не дадут?“ — Должен найти поручителей. Должен умереть, а достать эти 20 долларов, ибо от этого зависит судьба Казачества: быть или не быть.

В Областях (Кубанская, например) будущей Казакии не должно быть собственных земель и потому разбогатеть будет предоставлена всем одинаковая возможность. Поэтому денежные взносы вольных казаков в вольноказачью кассу должны быть одинаковые. А не так, что если ты имеешь много, то и плати много, а если я не имею, то, значит, с меня ничего не причитается. Нет, имеющий много может дать много, но только так, что то, что сверх пайка, считалось бы его займом в вольноказачью кассу. Ведь и такое богатое государство, как США, в подвалах которого лежит одна треть мирового золотого запаса, и такое государство выпускает облигации, т. е. прибегает к внутреннему займу, а нам и Бог велел. Для интересов ВК дела разницы не будет делать то, кому я дал займы, вольноказачьей ли кассе или неимущему денег казаку, чтобы он бы отплатил их в кассу.

С выбором Атамана Президента дела наши несомненно должны будут улучшиться. Но нам нужно идти дальше. Нам нужно стремиться к созыву с'езда представителей эмигрантских организаций от всех народов, порабожденных СССР. („национальных меньшинств“) для выбора делегата в Лигу Наций для ознакомления ее с творящимися бесчинствами большевиков на наших Землях и с просьбой о заступничестве над беззащитными мучениками, нашими братьями, сестрами, отцами, матерями и детьми.

Ибо, если Гитлер, „требует для Германии права на

жизнь“, заявив, что нельзя убить 65,000.000 населения под предлогом, что это нужно для экономического благосостояния всего мира“ (Новое Русское слово № 7417), то почему мы не можем заявить, что десятки миллионов украинцев, казаков и др. не только грабят, но и вешаются, расстреливаются, душатся газами, ссылками, голодом, применением распространения эпидемических болезней и все это — для разжигания „мирового пожара“.

Если Германия не хочет принести себя в жертву „для экономического благополучия“ всего мира, то почему мы не можем заявить его культурному благородию господину Всему Миру, что он 15 лет заключает торговые договоры, с кровопийцами, что он 15 лет руками великороссов вытягивает золото из крови наших мучеников (каторжные работы на советских лесных промыслах), положивших столько сил в дни Великой войны и теперь истязаемых взбесившимся от дурмана марксизма-социализма „рабоче-крестьянским правительством современной Москвы“.

Война в СССР (при чем война не междоусобная, т. е. не в одной нации, а война порабожденных народов со своими поработителями) еще и до сих пор продолжается. И вмешательство Лиги-Наций, поэтому, в дела советские не только возможно, но и обязательно и Богом благословенно.

Случилась революция — великороссы получили свое благо — советский строй — от нее. Почему же другие народы должны быть лишены своих (самоопределения) благ?

Нет, кровь наших борцов и замученных братьев зовет на помощь Лигу Наций. Кровь эта дает право Лиге-Наций сказать московскому большевицкому правительству: „уберите вы свои чекистские войска с земель народов, вас не признающих, к себе в Москву...“

Каз. Куб. В. А. Юрченко.

Чикаго. 25 мая 1933 г.

Где они — казачьи герои?

Некоторые вещи если не проходят незамеченными, то и не захватывают читателя, не обращают на себя внимания, другие же, наоборот, возбуждают общие толки, вызывают споры, подчас даже страстные, заставляют читателя глубоко задуматься.

Атаман не может никак согласиться с тем, что Казачеству он не нужен, неподходящ, а бросается на хитрости, меняя названия своих журналистиков, думает этим пригнорнуть казачью массу. Хотя названия и лепит чисто казачьи, но содержание от крышки до крышки чисто русское. Ему волею или неволею придется с бывшими „КД“, „РК“ и теперешним „Казакком“ переехать, к своим „ОВС“, но без казачьей массы. Среди казаков он был чужим, хотя и прошенным гостем, и не потому, что казаки были злы, а потому, что он чуждался и сторонился казачьих интересов, блукал по лагерям, враждебным Казачеству.

Атаман умирает, но, несмотря на близость смерти, „КД“, „РК“ и „К“ все же посылает к своим побирать-ся, оставаясь под окнами более зажиточных мужиков. Его давно тянуло и тянет к своим в Петербург. Он верит, что ему в Петербурге удастся счастливо устроиться; для него главной задачей является добраться до столицы и довести с собой „КД“, „РК“, „К“.

Но казачьей массе ясен беспросветный мрак, которым окружены „КД“, „РК“, „К“. Сколько раз уже это печальное явление казачьей жизни описывалось, при чем часто с большею силою! Почему же писания этого рода так сильно волнуют казака читателя? Ответ для всех очевиден. Они представляют собою грозное напоминание о том, чего забывать нельзя, если мы дорожим будущностью нашей родины — Казакии. Никто не станет отрицать, что подобного рода напоминание чрезвычайно полезно.

Жизнь служит красноречивым свидетельством нашего неумения или нашей неспособности должным образом исполнить вполне нами сознаваемые обязанности. Происходит это отчасти вследствие нашего разнонастроения, а главным образом вследствие туманности тех

идеалов, которыми нас пичкают и прельщают выбранные нами вожди.

Но как же быть? Как возвратить казаку утерянный его вольный Край? Где лежит тот путь, который выведет нас из трясины слов и идеалов вождей руссо-тяпов на твердую, чисто казачью почву? Эти вопросы усиленно стали занимать головы вольных казаков. Это действительно один из наиболее назревших теперь „проклятых“ вопросов. Выборный Атаман — казак, но враг всяких „мечтаний“ о благоустройстве и самостоятельности Казачества, он — р'янный сторонник ОВС, тянет Казачество под опеку России.

С появлением на сцену „Вольного Казачества“ казаки начинают чувствовать сильное охлаждение к особе Атамана и в то же время тяготение к ВК увеличивается. Однако, несмотря на это тяготение, Казачество зорко его изучает, внимательно прислушивается каждому его слову, сопоставляя теорию, проповедуемую ВК, с идеалом Атамана; престиж последнего померк и казаки начали сомневаться в плодотворности идеалов Атамана. Настал решительный момент. В душе Атамана происходит борьба и он должен объясниться в своем банкротстве и неправильности проповедуемых им идеалов и сознаться, что единонедельничская завкасса неподходяща и даже вредна Казачеству. На казачье дело он не способен, а в будущем — только духовный бродяга; в нем нет настоящей казачьей веры, ни настоящего казачьего умения „выручай своего“. Он так свылся с этим духовным бродяжничеством, с этим скитаньем по чужим лагерям, что оно стало для него непреодолимой потребностью. В среде Казачества ему уже не ужиться, вот почему он бежит к своим. Пусть эта жизнь навсегда останется за ним; он не вовлечет уж более в нее Казачества.

Казачество переживает тяжелую душевную драму. Потерпев поражение и разочаровавшись в идеале своего вождя, оно начинает серьезно любить чисто неподдельною любовью пламенную проповедь Вольного Казачества, выразившуюся в искренней любви к родине Казакки, добрыми чувствами и состраданием к горю обездоленных. С одной стороны мы имеем торжественное, победоносное шествие ВК, с другой безмощного, обездоленного Атамана, руссо-тяпа, которого казаки покидают. Неужели это две такие враждебные силы, неужели Казаккиа, к которой мы стремимся, не только не составляет благоденствия для слабых элементов нашего Казачества, а наоборот оказывается для них гибелью? Почему всюду в мире самоопределение признается теперь благом, а русская интеллигенция с атаманами видит в нем какую то опасность, боится за вековые устои могущества России? Бывшие герои руссо-тяпы Богаевские, Мельниковы, Науменки, Саламахины и пр. оказались совершенно не состоятельными... Раньше их окружало какое-то обаяние, они казались издалека героями, но чем ближе к ним подходили, тем мельче они становились, герои руссо-тяпы... Они оказались не вождями, а малыми людишками, лишенными всякого обаяния и не возбуждающие больше в Казачестве никаких симпатий. Казим-то рабелепством, подхалимством веет от их идеалов и деятельности. Они не заставляют наше сердце усиленно биться, не возвышают нашего духа, а напротив, как будто, его принижают. Они не производят на всех чарующего впечатления, не улавливают казачьи сердца. Постепенно от них все отворачивается и про-

изнесен презрительный приговор: „это герои, которые думают о своих мелких интересах“, — красивый орех, вроде тех, какие подвешиваются на рождественские елки — золотые снаружи, но пустые, гнилые внутри.

Куда они стремятся, вокруг какого солнца вращаются, чему верят, чему поклоняются, чего желают?.. Вот на эти вопросы хотелось бы, чтобы они ответили, положи руку на сердце. В прошлое время русское правление всех оттенков не симпатизировало носителям казачьего сепаратизма, как оно мало симпатизировало и носителям вольноказачьей идеи. Истинные носители вольноказачьей идеи, таким образом, как раньше, так и теперь, не пользуются симпатиями русского правления. Мы всей душой желаем, чтобы Россия сравнялась в отношении признания на самоопределение народностей ей подвластных и ею угнетаемых с Западом. Стремление к идеалам освобождения народа из под гнета чужого народа, творческая работа в этой области или воодушевленная пламенная проповедь в этом направлении — вот истинная цель человека и только тот, кто живет для этой цели, служит ей самоотверженно и достоин названия героя.

Однако, при этом упускаем из виду одно маленькое обстоятельство. Если мы все будем пламенно проповедовать идеалы освобождения, творить в этой области, так кто же будет осуществлять создаваемые и проповедываемые идеалы в самой жизни? Думают, что стоит только создавать и проповедывать идеалы, а остальное само приложится. Какое глубокое заблуждение! Какой поверхностный взгляд на жизнь! Несомненно, творчество в области идеалов и проповедь — великое дело, но многие ли к этому призваны, многие ли обладают теми выдающимися способностями и тою широкою подготовкою, которые для того требуются? И далее, спросим мы, можно ли ожидать благих результатов, если дело ограничится одним созданием и проповедью идеалов и никто не приложит руки к их осуществлению?

Мало того, задача подавляющего большинства может заключаться только в осуществлении идеалов на практике, а для этого требуется не только усвоение себе этих идеалов, но и способность уяснить себе окружающие нас условия, ясно видеть, при помощи каких средств идеал может быть достигнут. И этого еще не достаточно. Надо обладать теми нравственными качествами, тою выдержкою и последовательностью, без которых никакая успешная практическая деятельность невозможна.

Вкратце нарисует проповедываемые идеалы Атаманов и „ВК-ва“. Первые признают Казачество не народом, а сословием, никакого Казачества, а только матушка Россия с царем батюшкой; обезличить и — через трупы казачьи к Руси самодержавной! Вторые с историческими данными в руках доказывают, что Казачество есть особый народ. Семь Казачьих Областей — с полным самоопределением, во главе — Атаман-Президент; олицетворить, освободить и через трупы казачьи (если без этого нельзя) — к родной Казакки! Идеал „ВК“ возвышеннее и жизненнее, как жизненное живое дело с пламенным словом. Если „ВК“ мечтает о свободе Казачества, то к этому его побуждает печальное зрелище, представляемое родиной и эмиграцией. Оно видит в проповедуемых идеалах спасительный выход из нынешнего печального положения. Но

Наши читатели помнят, что в сентябрьском номере „К. Казака“ появилась гнусная „статья“ под назв. „Верные“ о „вожде“, подписанная „Вольные казаки из Праги“, а в апрель-майском номере того же „К. К.“ напечатана не менее гнусная провокация под назв. „Работа Игната Билого“, подписанная: первая половина буквами Г. К., а вторая — „Из О. В. К.“ — Ныне нам стало известно, что статьи эти переданы в редакцию „К. К.“ из большевицких кругов через г. Х. Этим объясняется содержание самих „статей“, этим объясняется редакционная оговорка г. Соламахины в 4 номере „К. К.“, этим же объясняется и то, что все они анонимны: в действительности ни одна из них никем не подписана и даже буквы Г. К. — выдумка.

— По существу поведения редакции „К. К.“ предоставляем сделать выводы самим читателям.

разве освобождение мыслимо без осознания единомыслия, организованности, разве сокрушение врага Казачества — российских трутней, мыслимо без деятелей, которые приложили бы энергическую руку к его искоренению?

Между идеалами первых и вторых есть большая разница по существу и в способности действовать в жизни. Всероссийские трутни делали и делают свое дело: они в достаточной мере за свои идеалы проливали и проливают... казачью кровь. Пора приступить к делу и пчелам. И если последние убивают трутней, то имеют на это полное право, ибо защищают каплями собираемый мед. Современность переросла прошлое. Мы должны отрешиться от предубеждения, будто бы практическая деятельность несовместима с идеальными применениями. Нельзя только вечно провозглашать идеалы, не прилагая руки, кто их осуществляет, может быть таким же героем, как и тот, кто их проповедует. Если дорожить не наружным блеском, а внутренним содер-

жанием, то мы затрудняемся дать пальму первенства тому или другому. Оба в одинаковой мере необходимы. Выбранные нами Атаманы, обратившие себя в бессмертных, прилагали руки к осуществлению на практике идеалов, но идеалов, исходящих не из казачьего сердца, а повторяли с чужого голоса.

Практичность бывает двоякого рода: одна направлена к достижению личных, своекорыстных целей, а другая к достижению общепользовных целей. Они достойны называться героями, но героями русскими. А ВК истинные казацкие герои, твердо охраняющие в уме и сердце лучшие заветы нашего прошлого и в то же время умеющие пользоваться всеми доступными средствами для осуществления этих заветов в самой жизни. И кто же решится утверждать, что такие герои — мелкие люди, что страсти их ничтожны и что литература их, любовно рисующая нам наш лик, заслуживает названия мелкой?!

6-VI-33. Польша.

Д. Уваров.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: от Александра Юрченко из Чикаго 270 кч. (10 долл.); от Д. Уварова из Польши 1 ам. дол.

В Болгарии: Донской Селимийской Св. Ник. станицей в Ески-Джумая собрано 365 лева, каковые и хранятся в станичном правлении.

† Полк. В. БАЛАБИН.

Памяти полк. В. И. Балабина.

Больноказачий дед Балабин, после трехдневной болезни воспалением легких, тихо скончался 3-го июня с. г. в 5 час. вечера. Весть эта быстро разнеслась по Южинской колонии и к телу покойного потянулись ка-

зачи пугачевцы, чтобы отдать последний долг усопшему, одному из организаторов станицы, неустанному пропагатору идеи вольноказачьей. Многие, прощаясь, роняли невольные слезы скорби; безутешно рыдает над отцом осиротелый сын. Грустная картина...

В 9 час., когда покойный был по христианскому обряду обмыт, убран и положен в святой угол, вбежал в комнату встревоженный, прямо с фабричной работы станичник Бабкин, сослуживец покойного, и с рыданием бросается на тело своего командира и причитает в горе, вспоминая доброту, честность и братское отношение ко всем своего старого командира, а потом и доброго, деятельного гражданина станицы... Тяжело было видеть горе родных и двузей покойника, в то же время было приятно, что наш дед оставил по себе такую добрую память в людских сердцах... Ведь умирают все, но не все оставляют хорошую память. Мы, южинцы, никогда не забудем заслуг полковника Балабина и наш долг в память дорогого покойника еще больше спаяться и продолжать отстаивать идею казачьей самостоятельности. Да будет тебе легка земля чужая!

Санжа Аршинов.

(Южин. Франция).

Обращаюсь ко всем казакам, живущим в Болгарии с большой просьбой:

Сообщите моему брату Николаю В. Балабину о смерти дорогого нашего отца.

Убитый горем Г. В. Балабин.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Приношу искреннюю, чистосердечную и глубокую благодарность всем казакам и калмыкам, отдавшим последний долг моему отцу, полковнику В. И. Балабину.

Казакам А. К. Кравцову с супругой, Т. В. Шлыкову, С. Б. Аршинову, Н. Кононову, С. Т. Цеденову, И. С. Орехову, войск. стар. А. А. Иванову и Д. Б. Михалинову, выражаю особо глубокую благодарность за их хлопоты и бессонные ночи, проведенные над телом покойного отца В. И. Балабина.

Г. В. Балабин.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За неимением возможности ответить отдельно всем организациям, казакам и всем знакомым, приславшим нам свои соболезнования о тяжелой утрате дорогого отца полковника В. И. Балабина, просим напечатать на страницах журнала „В. К.“ нашу глубокую и чистосердечную благодарность всем приславшим нам свои соболезнования.

Убитые и опечаленные горем дети, родственники и друзья покойного.

Постановление Сбора Хутора Вольных Казаков в Бельгии.

Хуторской Сбор „Хутора Вольных Казаков в Бельгии“, состоявшийся 4 июня 1933 г. в Брюсселе постановил:

1. Открыто стать на вольно-казачий путь.
2. Приветствовать редакцию „Вольного Казачества“, взявшую на себя инициативу по созыву вольно-казачьего Съезда.
3. Всемерно поддержать пражский центр Вольного Казачества во всех его начинаниях.
4. Заявить во всеуслышание и раз навсегда, что Казачество для нас превыше всего, и что спасение Казачества и защита его интересов является нашим первейшим долгом.
5. Заявить свое отрицательное отношение ко всякого рода полемикам и слишком резким выпадам по адресу наших политических противников, памятуя, что грызня никогда до добра не доводила.
6. Заявить Войсковым Атаманам, что при всем нашем к ним уважении и нашему отрицательному отношению к обливанию их грязью, мы все же не считаем их в праве „указывать“ казакам линию политического поведения, т. к. по казачьим конституциям „это указывание“ не входит ни в права, ни в обязанность Войсковых Атаманов.
7. Выразить благодарность редакции журнала „Вольное Казачество“ за ее труды в деле защиты казачьих интересов и отметить ее похвальную стойкость и политическое постоянство.
8. Обратиться через посредство „Вольного Казачества“ ко всем казакам с призывом — организовать статью на вольно-казачий путь, единственный верный путь практической защиты интересов Казачества, его спасения и сохранения.
9. Заявить, что главнейшим нашим врагом является большевизм, и что с этим кровным врагом мы никогда ни на какие компромиссы не пойдём.
10. Просить центр Вольного Казачества продолжать идти по намеченному пути, не сомневаясь в поддержке всех тех казаков, для которых святая цель спасения и сохранения Казачества — дороже всего.
11. Отчислять ежемесячно из хуторских средств определенную сумму на созыв вольно-казачьего Съезда.

На этом же Сборе избрано было хуторское правление следующего состава:

Хуторской атаман: И. П. Егоров, помощники: Н. К. Боровлев и сот. В. М. Ерохин, писарь: П. К. Харламов, казначей: С. Н. Сафонов, хуторскими доверенными избраны: Г. Е. Постол, Г. Ф. Бурьба и С. С. Псарев.

Председатель сбора: Доктор П. Харламов.

Вольные казаки в Бельгии.

До последнего времени здешние вольные казаки входили в состав Общеказачьей станицы, стоявшей на платформе единоевропейского неопределенства. Группа вольных казаков всегда являлась основным деятельным ядром станицы и строго придерживалась станичного устава, гласившего, что в станице не должно быть политики. Такое положение, разумеется, мало удовлетворяло вольных казаков, которые ждали только благоприятной обстановки, чтобы или в корне изменить устав или же создать отдельную организацию вольно-казачьего направления.

Когда со стороны видных представителей „неделимского“ толка начали раздаваться такие возгласы, как „долгой самостийников“, „вольным казакам не место в станице“, „самостийники — предатели и большевистские наемники“, — вольные казаки решили, что наступил подходящий момент для массового ухода из станицы и немедленного создания вольно-казачьего хутора.

В первый день Пасхи (17 апреля) инициативная группа составила постановление-воззвание, под которым постепенно, один за другим, подписались почти все действительные члены станицы. Подписывавшиеся под

этим постановлением казаки подавали заявления об уходе из станицы. Угрозы и „уверения“ правления только ускорили уход казаков. Все те, кому надоело ждать у моря погоды и бесполезно топтаться на месте, решили откеститься от принципа „казаки должны быть вне политики“, т. е. выйти из такого положения, при котором казачьи вопросы должны решаться или как-то сами собой или же не казаками.

30-го апреля брюссельская группа вольных казаков устроила экстренное собрание для выборов временного правления. Другие группы прислали ко дню собрания письменные постановления. Временное правление избрано было в следующем составе:

Хуторской атаман — И. П. Егоров; помощники: сотн. В. К. Ерохин и подх. И. В. Щекин; казначей и исполн. обяз. писаря — Н. К. Боровлев.

Временное правление немедленно же приступило к подготовке Сбора, назначенного на 4-е июня, составлению проекта хуторского устава и разработке программы Сбора. В то же самое время правление стало устраивать собрания брюссельской группы, вошло в связь с местной украинской организацией и привлекло к участию в хуторской жизни новых полезных членов. Восстановлена была также связь с пражским центром Вольного Казачества.

Ко дню Сбора подьем казаков достиг высшего предела. На Сбор 4-го июня явились все свободные члены брюссельской группы, и 9 человек приехали из провинции. Присутствовало также несколько приглашенных украинцев во главе с официальным представителем Украинской Национальной Громады инж. А. Мартыновым.

Собрались в прекрасной отдельной зале ресторана „Au Prince de Galles“, в центральной части Брюсселя.

Сбор открыл вр. исп. должн. хуторского атамана И. П. Егоров, который, сделав краткий доклад о деятельности временного правления, выразил свою радость по поводу пробуждения вольных казаков и высказал уверенность, что объединяющая всех нас единая казачья идея даст нам возможность достигнуть больших и хороших результатов как для всего Казачества, так и для нашего хутора.

Затем единогласно избран был председателем Сбора П. К. Харламов, который в сильной и красочной речи нарисовал картину прошлого Казачества, его настоящего положения и тех возможностей, которые представляются в будущем. Речь П. К. Харламова произвела на присутствующих сильное впечатление.

Председатель огласил повестку дня; выступили с краткими речами: г. Мартынов, ес. Г. К. Рудаков, Н. К. Боровлев и С. С. Псарев.

Г. Мартынов, от имени украинской колонии приветствовал вольных казаков и пожелал им успеха, обещая поддержку.

Ес. Г. К. Рудаков с большим подъемом и горячей искренностью призывал казаков не ограничиться одними словами, а и на деле доказать преданность вольно-казачьей идее, идее истинных природных казаков.

Н. К. Боровлев с большим волнением высказал свое глубокое удовлетворение по поводу того, что к вольно-казачьему движению примыкают не только одни простые казаки, но и наши интеллигентные силы, старые и молодые.

Псарев сообщил Сбору, что день 4-го июня — памятная для него дата: в этот день русскими большевиками был казнен его отец... (память отца С. С. Псарева Сбор почтил вставанием).

Утвердив хуторской устав и обсудив все вопросы повестки дня, Сбор вынес ряд соответствующих постановлений и приступил к выборам хуторского атамана, правления и доверенных.

Хуторским атаманом избран был единогласно И. П. Егоров; помощниками: сотн. В. М. Ерохин и Н. К. Боровлев; писарем: П. К. Харламов; Казначеем: С. Н. Сафонов.

Хуторскими доверенными избраны были: Г. Е. Постол, Г. Ф. Бурьба и С. С. Псарев.

К концу сбора получено было письмо-экспресс от

И. А. Билого, Который приветствовал Сбор вольных казаков в Бельгии. Присутствующие были очень тронуты таким вниманием.

После Сбора, в том же помещении, состоялся обед, на котором присутствовало и несколько дам.

После обеда, за стаканом пива, пели казачьи песни и вели душевную беседу. Не забыли и своих больных собратьев: тут же „скинулись“ и поручили одному из казаков отвести деньги больному казаку-кубанцу Я. Я. Гондарю.

Традиционное „гулянье“ продолжалось до позднего вечера. Приехавшие из провинции хуторчане „разобрались“ были на ночьле броссельцами и только на следующий день, часа в 3, уехали по домам: кто на шахты, кто на фермы.

После Сбора начали поступать заявления о желании вступить в хутор. Весьма возможно, что в скором времени хутор наш разрастется в станицу.

В добрый час!

(Соб. кор.)

Конгресс комбатантов в гор. Перпиньяне.

21 мая в гор. Перпиньяне состоялся районный конгресс комбатантов, куда были приглашены сербские студенты (Тулузского университета) возложить венок на памятник павшим французским борцам от дружественного народа и от имени сербских камбатантов.

Председатель союза сербских студентов г. Волибер Протич (он же генеральный секретарь Франко-Сербского общества) пригласил представителей В. К. Станицы в гор. Тулузе: атамана Хрипушина и С. Д. Турчанинова принять участие в торжестве с братским народом.

Приглашение было принято.

В пять часов утра того дня группа приглашенных, разместившись в двух автомобилях, тронулась в путь.

Расстояние от Тулузы до Перпиньяна (210 кл.) покрыли (с остановками) в 4^{1/4} часа. Прибыв в заранее заказанный отель, занялись на скорую руку туалетом.

Готовы все, выходят из отеля (казаки — в черкессах) и с развернутыми флагами справа Сербский, слева Казачий (сине-малиново-желтый), в центре венок из живых цветов. Флаги несут казаки.

Двинулись в мэрию (городское управление), где состоялся конгресс. О прибытии было доложено председателю конгресса. Просят войти. Громадный зал, переполненный делегатами из окрестностей... Все встают.

Военные, занимавшие почетные места, встают, отдают честь. Флаги и венок проносят к трибуне, где и устраиваются на приготовленных местах.

Все успокаиваются... Продолжается конгресс... Состоявшиеся речи. Наконец по расписанию дня наступил момент церемоний возложения венков.

Отдаются распоряжения. Начинают подтягиваться, делают построения, распределения, подходит музыка. Выходят во двор. В стороне группа камбатантов обясняет собравшимся на торжество о флаге Казакии.

Близко стоящий к казаку, несшему свой флаг, обращается с вопросом: „что за флаг?“. Отвечает: „Флаг казаков“. — „Разве и казаки имеют свой флаг?“ переспрашивает француз. — „Да“. Заиграл оркестр и многочисленное шествие двинулось со знаменами и флагами вперед. Сербский и Казачий — на почетном месте... Мэрия, профектура и улицы украшены и декорированы флагами. Широкие улицы сузились от шпалер любезных граждан и детей всех возрастов гор. Перпиньяна.

Щелкают аппараты... Граждане приветствуют проходящие флаги и знамена одни — поклонами, другие снятием головных уборов. За флагами идут почетные члены камб. союза: председатель, секретарь, мэр города, начальник гарнизона, представитель французской армии, сербский консул и т. д.

Процессия подошла к памятнику.

Знамена и флаги с венками отделяются от колонны и выстраиваются в одну линию перед памятником лицом к присутствующим.

Оркестр играет „Салют“. Медленно опускаются знамена и флаги. Минута полного молчания. Старые солдаты выровнялись в струнку, сняв головные уборы. Военные берут подвысь. Снова оркестр и возложение венков. Щелкают фотографические аппараты.

Флаги, знамена, гости и инициаторы фотографируются отдельно.

Маленькими колоннами начали расходиться в разные стороны. Делегаты собираются в кафэ на аператив. После этого представитель армии (Франц.) пригласил на банкет. (Были приглашены и от имени союза камбатантов).

Банкет под почетным председательством Г. Думер (бывший Президент Франц. республики) вмещал до 300 чел. делегатов и гостей. Зал утопал в зелени, цветах, развешенных флагах, и т. д.

Речи, пожелания, обильное угощение (от лучших красных вин до шампанского) закончили радужный банкет бывших бойцов непорочной Франции.

Вечером в главном городском театре устроен был концерт-бал.

Большой хорошо обставленный театр. Большая сцена украшена французскими флагами, знаменами. Сербский и Казачий флаги с правой стороны — выше всех. В почетной ложе Г. Думер, префект, сербский консул, дамы. Зал переполнен. Начинается концерт по разработанной заблаговременно программе. Прошло четыре номера...

За кулисы где сгруппировались артисты, вбегает г. Протич и обращается к Турчанинову: „Густав Думер просит выступить вне очереди в виду того, что он должен отбыть немедленно“. „А что исполнить?“ переспрашивает Турчанинов. „Танцуйте казачек, или лезгинку, а потом спойте“ „Хорошо, начинайте“. — Музыка начинает играть. Турчанинов выскакивает на сцену. Танцует несколько минут и вертящийся, увлеченный музыкой, как вкопанный закончил сильно захватывающую национальную казачек. Гром аплодисментов. Вызов на бис... Но напрасно. За кулисами, вытирая пот с лица, Турчанинов, прислонившись к декорациям, отдыхает в возбужденном состоянии. Вскрикивает г. Протич, только что вернувшийся из почетной ложи. „Очень хорошо. Г. Думер в восхищении, поздравляет Вас с успехом и просит сейчас же спеть“. — „Дайте же перевести хотя дух“ режет Турчанинов.

„Через один номер можете выступить? — спрашивает Протич. Казаки переглядываются, кивают утвердительно головами...

На сцене появляются г-жа Богданова, Хрипушин и Турчанинов. Публика восторженно принимает. Легкий поклон. Казаки отдают честь Господину Г. Думеру. Он, улыбаясь, кивнул головою. Поет: соло г-жа Богданова (жена куб. казака). Трио. Соло Турчанинов. Трио. Гром новых аплодисментов. За кулисами регент французского хора (выступавшего перед казаками) и хористы жмут казакам руки и поздравляют с успехом. Затем поет соло артист испанской оперы.

И вновь казаки. Лезгинка с кинжалами. Исполняет Турчанинов легко, пластично, равномерно захватывающе описывает круги, пропуская кинжал между ног. Потом забывает кинжал и, вонзая последний, вытягивается в струнку. Зал гудит, долго вызывая на бис.

И, наконец, последний номер программы. В кавказском (черкешенки) костюме г-жа Богданова была встречена аплодисментами. К ней присоединяется Хрипушин. Сначала тихо, потом учащая темп, танцуют красиво и живо. В вихре заканчивают лезгинку. Зал снова дрожит от аплодисментов и одобрений.

Кончился концерт.

Публика не расходится, ожидают музыку, и переходят в верхний зал, где молодежь ждет танцев.

Казаки, уставшие, не отказываются, танцуют по собственному желанию и по приглашению дам.

Кончился бал. Казаки, сопровождаемые председателем камбатантов, отправляются к ожидающему их автомобилю. Крепко пожимая руки, он благодарит казаков за участие и отзывчивость. „Мы никогда не забудем казаков и их стремление. В добрый путь!“

— закончил он. Автомобиль тронулся в 2 $\frac{1}{2}$ часа ночи с расчетом, чтобы быть у своих родных, близких, станичников (ожидающих с интересом результата поездки) и на службе в 7 час. утра.

(Соб. кор.)

В Монтаржи.

М. Г. Г-н редактор,

не откажите поместить в уважаемом Вашем журнале следующее:

4 июня, в день „Св. Троицы“, в Вольно-казачьей Станице в Везине-Шалет состоялся доклад в.к. пол. А. Т. Жукова на тему „Бытие Каз-ва в его прошлом, настоящем и будущем“. С этою целью правлением станицы вывешены объявления, приглашая всех казаков на доклад. Ровно в 2 часа дня в помещении ресторана „Днепр“ собрались казаки и братья украинцы. Атаманом станицы С. П. Ткаченко было открыто собрание, а затем предоставлено полк. Жукову занять место и слово.

В 5-ти часовой речи докладчик четко обрисовал картину Каз-ва в прошлом, постепенно переходя к настоящему, а потом и о том, что должно делать Каз-во в будущем.

Вся аудитория слушала с большим интересом и не ослабленным вниманием. Доклад базировался на исторических документах историков, как русских так и иностранных. Вся суть доклада свелась под конец к тому, что „казак, познай самого себя, не делай прошлых ошибок, думай свою казачью думу, перестань слоняться по чужим партиям и становись на свой исторический шлях, шлях казачьей воли и самостоятельности“.

По окончании доклада, аудитория наградила докладчика дружными аплодисментами.

После состоялось собеседование по разным вопросам.

Был задан вопрос украинцем Г. Захвалынским: „Які шляхи В. К. и який язык буде в Казакії?“ На что докладчиком был дан резонный, вполне удовлетворительный ответ, но заметно, что украинца-националиста, как он сам себя называл, ответ не удовлетворил (короче говоря, Г. Захвалынский мыслит и Кубань в составе Великой Украины). Казаков же ответ удовлетворил вполне.

Братья казаки! больше веры в правоту своего дела. Никто сейчас не знает, что может получиться завтра, а поэтому будь, казак, часовым.

Братья казаки, все, как один, идите под знамя В. К. и тогда только мы достигнем своей конечной цели.

Большое спасибо А. Т. Жукову за его труд, а так же казачье спасибо всем посетившим доклад казакам и украинцам.

(Соб. кор.)

Доклад А. К. Ленинова в гор. Каркассоне.

В воскресенье 4-го сего июня в гор. Каркассоне состоялся доклад А. К. Ленинова на тему „За честь и свободу Казачества“. Доклад собрал весьма многочисленную казачью аудиторию.

Талантливый докладчик, несмотря на тяжелое путешествие и сопряженные с этим две бессонные ночи, сумел провести доклад содержательным образом, подчас захватывая аудиторию. Сущность доклада заключалась в том, что докладчик, анализируя ход событий последнего периода истории Казачества, выразил уверенность в незыблемости того исторического пути, на который встало Казачество после захвата большевиками власти в России, именно государственная независимость Казачества.

После доклада состоялись прения, причем единственным оппонентом выступил полк. Е. Ермолов, который предполагал в тот же день читать свой доклад на тему „О казаках сомостийниках“. Приезд А. К. Ленинова в гор. Каркассон в известной степени помешал устройству этого доклада, вследствие чего полк. Ермолову пришлось ограничиться „напористым выступлением“ против А. К. Ленинова, полагая разбить его „по

швам“ и тем самым разнести в пух и прах всех вольных казаков, а равно и всю Вольно-Казачью идеологию. Но не так вышло, а разбитым „по швам“ оказался сам полк. Ермолов, который был буквально приперт к стенке меткими и обоснованными доводами А. К. Ленинова.

Полк. Ермолов, подвергая критике доклад А. К. Ленинова, говорил, что Донской, Кубанский и Терский Атаманы, разорвав договор с ген. Врангелем и создав Объединенный Совет Д. К. Т., свершили сие действие с целью получения политической свободы действия для Казачества, для неучастия Донского Атамана ген. Богаевского в Зарубежном Съезде (1926 г.). Полк. Ермолов изволил утверждать, что ген. Богаевский был отозван О. С. Д. К. Т. из организационного комитета (по созыву Зар. Съезда), ибо Зарубежный Съезд предполагал провозгласить „безоговорочное подчинение эмигрантов Вел. кн. Николаю Николаевичу“. Далее полк. Ермолов внес „пояснения“ в том отношении, что Атаман Каледин был объявлен изменником Российскому государству, отнюдь не Российским правительством, а революционным правительством!

Говоря о прошлом Казачества, полк. Ермолов заявил, что Донское Войско никогда не было самостоятельным государством, и что будучи образовано из беглых холопов Московского государства, естественно должно быть присоединено к Москве, т. к. оказалось на путях последней, ибо „всякое государство, борясь за свою самобытность, стремится к расширению и укреплению своих границ, результатом чего и явилось присоединение Донского Войска к Московскому государству“. И, наконец, последний вопрос полк. Ермолова, безусловно рассчитанный на известный эффект, заключался в том, что он запросил докладчика: „какое государство дает деньги казакам-самостийникам для ведения их работы“.

С видом победителя уселся полк. Ермолов на свое место, предполагая, что приезжий самостийник не найдется, что ответить...

Спокойно поднялся с своего места А. К. Ленинов и, при напряженном внимании аудитории, начал речь, направленную против доводов полк. Ермолова: „Братья казаки, вы слышали, что говорил мой оппонент (т. е. полк. Ермолов), который стремится так или иначе придать совершенно особое понимание всему докладу, только что изложенному мной. Разрешаю запросить полк. Ермолова о том, почему Атаманы лишь в гор. Константинополе признали нужным произвести разрыв с ген. Врангелем, дабы получить „политическую свободу действия для Казачества“, (последнее понятие, конечно, лишь в понимании полк. Ермолова). Где же был и что делал Донской Атаман в Крыму, когда тот же Врангель отказывал в перевозке строевых частей 4-го Мамонтовского корпуса (ком. ген. Стариков) с Черноморского побережья в Крым, и предавал военноморскому (а почему не военно-полевому суду?) командующего Донской армией! заставил того же Богаевского подписать позорный договор, унижающий честь и достоинство Всеволодского Войска Донского. В период пребывания в Крыму, ген. Богаевский, бывший в ту пору Донским Атаманом, следовательно, и не думал о получении „политической свободы действий для казачества“, по прибытии же в Турцию вдруг решил добыть таковую... Как понимать действия ген. Богаевского, да и других Атаманов, в этот момент, полк. Ермолов не пояснил.“

Ген. Богаевский и др. признали разрыв с Врангелем в силу того, что были вынуждены считаться с обстановкой и с казачьим общественным мнением, но отнюдь не для добытия „политической свободы действий для Казачества“. Ген. Богаевский первый из подписавших декларацию О. С. Д. К. Т. отбросил в сторону Основные законы В. В. Д. и заменил их т. н. платформой О. С. Д. К. Т.

Напомню казакам и о том, что когда на Зар. Съезде предложено было послать привет и В. Атаманам, как представителям Казачества, то послышались голоса „Вы послали бы привет Троцкому“, и предложение было отвергнуто. Касаясь утверждения полк. Ермолова о том, что Атаман Каледин был объявлен изменни-

ком Российскому государству не Российским правительством, а революционным правительством, смею думать, что полк. Ермолов говорит явную несуразицу, смысл коей ему самому не понятен! Предлагаю полк. Ермолову ответить на мой вопрос „Приносили ли Вы присягу Временному Правительству в 1917 году?“ Полк. Ермолов отвечает: „Да, приносил“. А. К. Ленинов: „Следовательно Вы изволили приносить присягу революционному правительству!“ Полк. Ермолов: „Нет я присягал России“. (Общий смех). А. К. Ленинов: „Вы изволите играть словами. По Вашему, Временное Правительство, которому присягала вся Россия, есть лишь революционное правительство, но отнюдь не российский государственный совет народных комиссаров представляет собой не российскую власть, но всего лишь советскую власть и т. д.“ Полк. Ермолов: „Да, именно, так я понимаю“. А. К. Ленинов: „Теперь и я Вас понимаю, по Вашему разумению Российским правительством может считаться лишь правительство монархического образа правления в России. Значит, казаки избиваются в данный момент большевиками, которые „отнюдь не русские люди“, Терский Атаман Караулов был убит революционными солдатами, но отнюдь не русскими солдатами Уфимской дружины и т. д. Довольно, г. полковник, вы говорите, не отдавая отчета себе в своих же словах“...

А. К. Ленинов: Последнее заявление полк. Ермолова о том, что Донское Войско никогда не являлось самостоятельным государством, имеет характер явно искаженной правды. Учитывая это, я Вам заявляю публично, что Вы утверждаете явную неправду, пытаетесь всяческим способом воздействовать на казаков, с целью удержать их под своим влиянием. Жестоко ошибаетесь, ложь — негодное средство. Являются ли для Вас авторитетом труд проф. Сватикова „Россия и Дон“, труды Донской Исторической комиссии под редакцией В. А. Харламова, Н. М. Мельникова, П. А. Скачкова и т. д.? Полк. Ермолов: „Нет, подобные труды не являются для меня авторитетом, да я их и не читал, вследствие недостатка времени. Являются для меня авторитетом лишь исторические грамоты“. А. К. Ленинов: „Не верю Вам, что недостаток времени мешал Вам ознакомиться с указанными трудами, ибо Вы изволите излагать историю Донского Войска как раз по труду проф. Сватикова „Россия и Дон“, с тою лишь разницей, что то, что Вам лично нравится и приходится по вкусу, то Вы и предлагаете вниманию казаков, остальное же отбрасываете в сторону. Но помните, что труд проф. Сватикова разработан на основании первоисточников, т. е. исторических грамот, актов авторитет коих Вы признаете. И этот проф. Сватиков заявляет, что с „1549 года и по 1720-ые годы Дон являлся государством“. Авторитет проф. Сватикова, основанный на изучении исторических грамот и актов, подкреплён и заявлением Донской исторической комиссии (ведшей работы под наблюдением Донского Атамана ген. Богаевского) что комиссия считает своим долгом выразить искреннюю благодарность автору книги Сергею Григорьевичу Сватикову за его многолетние труды по изучению общественно-политической жизни Донского Казачества“. Более ничего не имею Вам говорить в этом отношении...

Относительно того, что „всякое государство, борясь за свою самобытность, стремится к расширению и укреплению своих границ „подобное утверждение представляет собой типичную форму крайнего империализма, в данном случае Московского империализма, жертвой которого стало Донское государство в далеком прошлом.“

Заканчивая свой ответ, А. К. Ленинов окончательно „доконал“ неудачное выступление полк. Ермолова. Так, А. К. Ленинов, отвечая на вопрос: „какое государство дает деньги казакам-самостийникам на ведение их работы“, поставил контр вопрос. Именно А. К. Ленинов, спросил, почему в 1918 году Всевеликое Войско Донское для защиты своей самостоятельности могло пользоваться помощью со стороны немцев, дававших орудия, винтовки, снаряды, патроны и т. д.; в 1919 году — помощью со стороны англичан и французов, дававших орудия, винтовки, снаряды, патроны, танки, аэропланы, обмундирование, продовольствие и т. д.

Основываясь на этом, вольные казаки, во имя спасения Казачества, считают для себя возможным искать помощи и у иных иностранцев.

На вопрос ст. Аржановского „каким путем и при каких обстоятельствах вольные казаки полагают возможным создать казачье государство — Казакую“, А. К. Ленинов дал обстоятельный ответ, основанный на детальном рассмотрении международной обстановки.

По окончании доклада, произведшего сильное впечатление на аудиторию, А. К. Ленинов был приветствуем лично многими казаками, заявившими о своем вхождении в ряды В. К. истинных казачьих патриотов, ведущих большую национальную работу по освобождению и возрождению Казачества.

Вслед за этим А. К. Ленинову от имени казаков было предложено пообедать с ними во французском ресторане, после чего он, сопровождаемый несколькими казаками, отбыл в автобусе в гор. Тулузу для доклада по приглашению Тулузской Вольно-казачьей станицы.

(Соб. кор.)

В Смедерево.

На Смедеревском фронте, как будто царит затишье. Вольно-казачью станицу оставили в покое. Но на самом деле противники не только вольных, но и вообще всего Казачества не могут успокоиться, а куют новые планы по порабощению казаков. Читатели уважаемого журнала еще раз узнают о происшествии в Смедерево. Когда казаки Смедеревской станицы, признав в-казачью идеологию, открыто выступили на свой казачий шлях, тогда же образовалась здесь и оппозиция во главе с полк. Гришиным (казакон не известно какой губ.) потомком славных Запорожцев подх. Х. Назаренко и пр. господами. Без большого труда им удалось образовать хутор при русской колонии во глав с атаманом ес. Пацапай. Цели и задачи хутора были ясны и определены — борьба с казаками, стремящимися сорвать со своей шеи долговековой наростень. Но к их несчастью, получился „в хуторе“ раскол. Хотя казаки хутора переименованного в станицу, и называют себя „благоразумными“, но все же всецело попали под влияние колонии, которая превратила их в покорных слуг. На одном из совещаний в мае месяце с. г. правления и членов в-казачьей станицы появляется вдруг „благо-разумный“, б. помощник ат. хутора Х. Назаренко, которому было разрешено поделиться мнениями, и он, ровно подсудимый, изливал свои раскаяния. Приводим здесь почти дословно его речи:

Да, мы поторопились разделиться, оно бы так не следовало. Я пошел в хутор для того, чтобы узнать, где же правда? И что же вижу? Многие члены колонии, имея службу, хорошее содержание и к тому же получают от державной комиссии пособие. Наш же один казак, с 4 детьми без работы, не может получить, потому что не Саратовской губ., а Саратовской станицы. Моему отцу, говорит дальше, колония потрудились перед державной комиссией уменьшить пособие с 250 д. на 100 д., но благодаря моим хлопотам перед комиссией все же пришлось добиться, что отец получает 200 динар. Так заботятся о нас русские люди и их колонии. Поэтому вы работайте и не верьте чужим, ибо как в сов. России, так и здесь стремление русских людей одно: уничтожить казачество. Там казачьи области перекрашивают, казаков выселяют, а на их место населяют москвичей. Здесь работа москвичей та же самая. Смедеревская колония задалась целью влить в станицу „благоразумных казаков“ в свой состав и повела в этом направлении свою работу при помощи руководителей ст-цы гг. Гришина, Пацапая, Чуприны и др. Руководители настаивают, чтобы членские взносы всецело поступали в правление колонии. Я, говорит Назаренко, задаю им вопрос: платили ли наши станицы подать Москве? Отвечают, что нет. Ну, тогда и мы не будем платить в колонию, а только лишь в свою станицу. Таким образом на почве этого произошел раздор, выражение мне недоверия и всякого рода обвинения.

Подшло время перевыборов ст. правления, продолжает Назаренко. Атаман Пацапай, как сторонник колонии, желателен ей быть и в будущем атаманом.

Однажды наши руководители, говорит дальше Назаренко, собрались на квартире ес. Чуприны для подготовки к перевыборам, где присутствовали и члены колонии. Намечали кандидатуру ес. Пацапая, добавляет, что необходимо только Назаренко „посадить в хвосте“, а с остальными казаками мы справимся, ибо они полные „пустолобы“. Наступает день перевыборов. На собрание станицы приходит председатель колонии г. Чураков с некоторыми членами — конечно, не казаки. Атаман Пацапай самовольно оставляет за собою место председателя собрания. Всех членов станицы 28, присутствует 14 из которых 4 не казака. И здесь Пацапай помогает колонисты. Русские казаки хлопают ушами, но все же все гуртом выставляют кандидатуру. После намеченной кандидатуры производится баллотировка. Пускает шар председ. колонии г. Чураков и от кого то доверенность. За ним следует поручик Соколов, тоже с какой то доверенностью; их примеуу следуют и др. члены колонии. Большинство голосов получает Пацапай, и таким образом русская колония избирает для станицы атамана. После перевыборов, говорит Назаренко, я обращаюсь к Пацапай с вопросом; знаком ли он с положением о станицах и хуторах, т. к. он сам за себя голосовал, но он отвечает косяком. Обращаюсь после этого к г. Гришину и др. подаю протест на неправильные перевыборы, т. к. иногородние не имеют права участвовать в выборах атамана. В помещении поднимается шум, упреки и все расходится по домам. Узнает наш Войск. Атаман, которому уже я донес об этом, и посмотрю, какие примет меры... Этими словами и закончил свою исповедь русский казак Назаренко.

Подумайте братья казаки, кому нужно верить? Ясно, что нужно верить своим, самим себе, не верьте чужим. Будем строить себе будущее только своими силами, верить чужим нельзя. Ибо за наши интересы никто не пожертвует сил и жизни, кроме нас самих.

(Соб. кор.)

В среде запорожцев.

Организация Союза Лицарив Ордена Зализного Хреста устраивала в субботу, 27 мая 1933 г., концерт-бал. Как бывший на этом балу я, казак самостийник, и хочу поделиться своими впечатлениями как от вечера, так и от того внимания и сердечного отношения организаторов бала к нам, казакам самостийникам.

Надо отдать должное, что организаторы подыскали для своего первого бала помещение, вполне удовлетворяющее самому изысканному требованию посетителей. Шикарная просторная зала, нижняя часть которого обставлена во вкусе требовательных в этих вопросах парижан: зеркальные стены, красиво очерченные, художественно отделанные карнизы, блестящие люстры. Среди украшений на одной из стен рельефно выделяется белый плакат с нарисованным на нем Черным Крестом — эмблемой союза. В каждом углу или под аркой замысловато расставлены столики с хитро расположенными на них и над ними маленькими едва заметными электрическими лампочками, так что при потухании громадных люстр, эти „светлячки“ как-то незаметно создают обстановку, так напоминающую тихую звездную украинскую ночь.

Громадный, на 500 мест, балкон, восточного стиля отделки, солидно повис над партером и... как будто и он с удовольствием любит всем, что творится здесь: уют, красота, задушевность, веселье, песни и танец запорожцев. Можно, без греха солгать, сказать, что наполовину здесь на балконе были казаки, пришедшие по любезному приглашению членов „Ордена“. Нельзя не отметить большого внимания, оказанного ими вольным казакам. Зная, что сейчас много безработных „Союз Лицарив Ордена Зализного Хреста“ предоставил многим из вольн. казаков билеты на бесплатное посещение их вечера. И это тем более важно, что они нашли возможным сделать так тогда, когда во все щели нашей жизни стучится кризис, когда многие из казаков уже забыли о том, как открываются двери театра или зала для танцев. А здесь хоть на один только вечер, пролетевший как минута, они могли веселиться, могли наслаждаться, могли хоть на короткий миг забыть горе и нужду в среде братьев запорожцев.

Не малое содействие оказала этому дружественному полету со стороны Союза Лицарив и другая украинская организация предместия Парижа (Бианкур) Украинское Товариство „Просвита“ в Бианкуре. Но еще большее впечатление производит возможность видеть и наблюдать, как две украинские организации, в некоторых вопросах несогласные между собою, находят возможным порой идти рука об руку, делая общее дело. Бал — небольшое дело, но... не все организации находят в себе необходимое для этого „небольшого“ общего дела мужество, где невольно, вне политики, люди сближаются, стараются взять и дать другим все для дружественного, братского, задушевного препровождения времени. А они это сделали — честь и хвала им.

Громаднейшая зала, до отказа наполненная украинцами, французами, итальянцами, вольными казаками, глухо шумит. Тушится свег и... под мерцание чуть заметных звездочек, тихо раздвигается занавес сцены. Публика замирает от восхищения: перед ее глазами чудная картина, со вкусом расставленной группы Запорожских казаков, человек с полсотни. Красочная одежда старого Запорожья, манера держаться, выправка, удалый вид — все это производит чарующее впечатление и заставляет только лишь молча любоваться и восхищаться ими. Но... одно мгновение, взмах руки дирижера и... полились для многих родные, так близкие, так понятные песни, а для других (иностранцев) — в словах непонятные, а в мелодии звука что-то нежное, чарующе-шекочущее, то как будто горе безпредельное слышат они в этих напевах, то тихий, радостный смех, то вдруг вырывается какая-то безграничная удаль...

Затем на сцене остается один бандурист, пан Емец, исколесивший всю Европу со своей бандурой. Его видеть и слышать удалось лишь благодаря стараниям старшин Ордена и любезности артиста — он здесь лишь на время своего номера, а отсюда прямо в дорогу. Никакие уговоры остаться подольше, не помогли. На все доводы старшин полк. Дубоского и сот. Сопко он отвечал — „чем богат, тем и рад, а через три часа я еду в Америку“.

Трудно передать впечатление, произведенное им своей игрой. Кто из украинцев не любит бандуры, а в руках пана Емца она заставила и слезам показаться на глазах у многих при звуках о том, как „край веселый, богатый погубила „вража мати Катерина“. Кто из украинцев в эти минуты не был там с бандуристом... дома, у себя, на широких просторах Матери Украины, в Запорожьи?

Лишь замолкает звук бандуры, как на смену несутся звуки струнного оркестра. Все как один — молотцы удалые, все в родных национальных украинских костюмах. Стройность и слаженность говорят за то, что пан Бахтин не даром поработал, а музыканты знают, что игра их уносит сердца и мысли многосотенной аудитории в далекие былые времена, где солнце так мило, где ветер ласкал ковыли, где была свобода Казачья.

То вдруг на сцену вылетают два бравых молодых запорожца Охмак и Рудык, захватывая отдельные звуки оркестра один из лихих запорожских танцев, где как будто и сабли их вместе с ними ожили и... то проскользнет она между ног, то в воздух взвоет, то блеснет между рук за спиной, то с визгом бряцнет об пол, то заблестит, изогнется над головой запорожца.

На смену ведет пан Гарко свою группу в редким танце старой Сечи „Запорожский аркан“. Не берусь описывать его, но вызов на бис сам говорит за себя.

Танцоров сменяют певцы, этих — музыканты, декламаторы. Одни сходят со сцены и садятся в оркестр, а эти уже царят в своих песнях над вниманием публики. Особенно поражены иностранцы — вот так запорожцы, вот так казаки: они и в оркестре, они и певцы, они и танцоры, они и чтецы-декламаторы. Каждый номер, каждое выступление вызывают дружные аплодисменты, переходящие в овацию при появлении на сцене цветисто разодетого в красивый запорожский костюм розового, чуть, лишь глазами, улыбающегося сына славного Запорожья, Владимира Стасевича. Десятилетний мальчуган, сын интеллигентной семьи ступив лишь вперед, был оглушен взрывом восторга громадной аудитории

От неожиданности стал... поморщились брови, и зал, как по мановению маленького волшебника, тоже затих и весь как бы с'ежился. Но грянул гопак и ожил наш чародей-мальчуган. Трудно передать восторг публики. А мать?! Ну, что тут говорить!... Опустилась занавесь. Кончилась концертная часть. Перерыв. Зал зашумел. „Ходим ка кум у бухвет“... А в зале уж игры, танцы, летучая почта, раздача национальных украинских значков. А вот там, в уголке за ширмой гадалка ворожит.. И везде смех и веселье.

Так незаметно и ночь пролетела и парижское утро заставило нас разойтись. Не скоро можно забыть такой вечер. Не раз многие из нас, вольных казаков, будут с удовольствием вспоминать о том, как умело веселится Запорожье.

И. Е

Чествование памяти С. Петлюры в Лионе.

Украинские организации гор. Лиона в воскресенье 27 июня с. г. устроили торжественное заседание, посвященное памяти безвременно погибшего Головного Атамана УНР, — С. Петлюры.

Перед собранием была отслужена панихида, которую служил о. Бензак, настоятель украинского православного прихода в Париже. После панихиды состоялось освящение знамени „Союза Украинских Камбатантов“.

От имени В. К. выступил А. К. Ленивов, отметивший значение личности С. Петлюры в деле развития Украинского национального движения, а равно определивший основные моменты современной международной политической обстановки.

На литургии в сослужении о. Бензак присутствовала делегация Вольных казаков во главе с хор. С. С. Настоящим (пред. „Союза Вольных казаков-сепаратистов“).

(Соб. кор.).

В Белграде.

13 сего июня в помещении общеказачьей ст. ст. представ. журнала „В. К.“ Н. М. Дмитренко была прочитана вторая часть доклада: „Запорожское казачество“.

Перед слушателями, в большинстве рядовыми казаками, одна за другой рисовались картины из славного прошлого Запорожского Войска. Мелькали имена славных Атаманов и Гетьманов: Байды, Сагайдачного, Трясыла, Хмельницкого, Сирка, Костя Гордиенко и др.

С большим вниманием слушали казаки правдивую историю своих предков. Глубоко вздыхали, слыша, как их прадеды боролись за свою волю, землю, за право жить и как были разогнаны русскими войсками, а потом искали убежище у „басурман“ и на о. Мальте.

(Соб. кор.).

Фактическая поправка.

М. Г. г. Редактор!

Прошу не отказать, поместить в журнале „В. К.“ нижеследующее:

В июньском номере „Кавказского Казака“ за настоящий год Правлением „О. В. К.“ помещено заявление, в котором между прочим говорится о том, что „к моменту помещения статьи И. Билого в № 125 „В. К.“ в Обединении В. К. находилось 6 из 7 живых основателей журнала „В. К.“, членов первых центральных органов Союза В. К., все старые работники В. К. и весь персонал редакции журнала „В. К.“, кроме И. Билого.

Ввиду того, что я принадлежу к числу и основателей Вольного Казачества и сотрудников журнала „В. К.“, считаю необходимым во избежание всяких недоразумений, могущих возникнуть в будущем, заявить следующее:

„Обединение Вольного Казачества“ было создано четыре года тому назад (1929 г.) и вскоре (в начале 1930 г.) прекратило свою деятельность. Председатель Правления Ш. Балинов выехал в Париж, все бумаги и дела Обединения хранились у частных лиц. Все эти годы никаких собраний не делалось. Организации не существовало.

Недавно я случайно узнал, что мое имя значится в списках обновленного Обединения, я тут же написал заявление Правлению объединения и передал его В. Глазкову с просьбой не считать меня членом организации.

Т. Стариков.

23-VI-1933 г. Прага.

Поправка.

В июньском номере „КК“ помещена информация от „ОВК“, в которой говорится, что в состав этой организации, до момента выхода 125 номера „ВК“ входил весь персонал редакции „ВК“, за исключением Билого.

Я не думаю, чтобы казакам было интересно знать о том, состоял ли и кто в какой-то организации или нет, но, в порядке защиты правды от умышленных искажений, позволю себе изложить фактическую сторону этого маленького „дела“.

В 1930 году (зимой) существовавшее тогда „Обединение Вольного Казачества“ из-за разладов в его среде, фактически распалось. Так, вышел из его состава редактор „ВК“ И. Билый, кажется И. Быкадоров, я (предс. рев. Ком. ОВК); считая организацию умершей, Председатель ОВК Шамба Балинов выехал во Францию и увез с собою все дела, печать, штампель. Таким образом, остальным членам просто некуда было подавать заявления о выходе, так как все видели, что ОВК не существует.

Но вот весной этого (1933) года получил частные сведения, что бывший секретарь ОВК г. Федоров считает ОВК существующим и числит всех бывших членов в его составе. Это заставило Константина Полякова и ген. Старикова подать заявления, чтобы их не считали членами ОВК. Я же, помня свое заявление 1930 года, написал в Правление вновь появившегося ОВК, чтобы они — „не вздумали меня считать членом“. При чем, по ошибке, так как писал на память, дату подачи заявления и своего выхода указал на январь 1929 года, когда ОВК еще не существовало. Эта моя ошибка дала повод г. Глазкову (человеку бесцеремонному) написать мне, что я написал неправду относительно моего выхода. Не ведая общения с подобными лицами вообще, я оставил его письмо без ответа.

Интересно бы спросить новых руководителей ОВК, почему они, если всех нас считали членами ОВК, три года не тревожили напоминанием о наших членских обязанностях, не приглашали на собрания, даже не пригласили на реорганизационное собрание? когда и почему переизбран старый Председатель Шамба Балинов, когда и почему переизбрали меня — Председателя Рев. Ком.?.. Если Балинов живет во Франции, то я живу все время в Праге и имел бы полную возможность принять участие в спасительных работах „ОВК“.

Одним словом, фактическая сторона дела в том, что нас числили в составе ОВК без нашего ведома; руководители ОВК, не имея на руках старых дел, вообще не знали, кто из организации вышел, кто остался и т. д.

Я вполне понимаю, что зря отнял на стр. „В. К.“ несколько строк этой поправкой очередного искажения правды, но как то не могу привыкнуть к тому, чтобы равнодушно относиться к смешным, легкомысленным выходкам людей, претендующих на серьезность.

Санжа Балыков.

Настоящим мы еще раз доводим до всеобщего сведения, что редакция „В. К.“ никакой мощной акции не ведет, благотворительностью не занимается и денег взаимы не дает. Пусть не обижаются, поэтому, те, кто не получают удовлетворительных ответов на свои к нам обращения.

Из письма оттуда.

Дорогой дядинька!

Письмо ваше мы получили, за что спасибо. Дядинька вы просите, чтобы описать новости вам, но вы знаете хорошо, что нельзя писать ничего плохого, ибо сегодня напишу я вам письмо, а завтра меня возьмут чекисты.

Но все же я решаюсь вам написать кой что, черт с ним, убьют или загонят к чорту, туда, где можно за двадцать четыре часа умереть. Дядинька вы хорошо знаете, что в прошлом году было казачье восстание на Кубани, вы можете представить, что творилось во время восстания, слухи были, что казачество отделится от России, да мне и самому попался один лист, я его читал весь сконца и до конца, но все не буду описывать, а напишу несколько слов. Долой коммунизм и с ним эксплуататорская Россия, да здравствует независимая казачья республика.

Дядинька, а что после восстания творилось, залилась наша родина нашей казачьей кровью и материнскими слезами. Сейчас нас, казаков, совсем мало осталось в своих родных станицах, самой мужик русский живет и мужик мужика погоняет. Дядинька я еще слышал, что прошел слух, что как будто у нас в станицах появился журнал Вольное Казачество, но мне пока не пришлось видеть и читать, а за тем его очень трудно поймать в руки, потому что с этим относятся острожно. Вот все, дорогой дядинька что мог написать вам, пока ваш...

Дядинька, пропишите мне, а что это правда, что за границы выходит этот журнал, я слышал, что как будто выходит в Чехословакии. Прошу вас еще раз дядинька прописать за журнал В. К.

Ваш племянник...

По советским газетам.

Борьба за хлеб.

Перед нами „Молот“ за первую половину июня.

4 июня аршинными буквами приказ: „До конца разгромить оппортунистические настроения передышки, демобилизации, очковитирательства, неверия в выполнение планов весеннего сева и прополки“. Передовая — на тему: „Выше ответственность за завершение плана сева и прополки колосовых!“

Там же: „Сорняки уже в рост человека, а в районной станице (Каневской) 40 проц. трудоспособных бродит без дела“...

5 июня: „Сокрушительней удар по антигосударственным попыткам сократить планы сева подсолнуха!“

„В Петровском районе обнаружен ряд фактов укрывания от государственного учета посевных площадей“... — Судя по „М.“, явление это далеко не единичное.

8 июня: „В Армавире сев масличных считают второстепенным делом“... „В Курганной устроили „передышку“... В Корневском районе „никакой расстановки сил“...“

10 июня снова: „Суровый отпор кулацким попыткам скрыть посевные площади!“ „Крепко ударить по тем, кто пытается обмануть государство!“

В Ейском районе „на севе нет твердой организации труда“... „В Новочеркасске массовая полка колосовых до сих пор не развернута“...

Уже объявлено: „подготовка к хлебопоставкам — боевая проверка каждой партийной организации“...

12 июня в передовой признаются: „Край вступает в наиболее ответственный период борьбы за хлеб“... Там же: „С первого обмолота досрочно выполнить поставки зерна государству!“

„Новая политическая обстановка и задачи органов юстиции“.

Под таким заголовком в „М.“, 17 июня помещен доклад т. З. об общей политической обстановке там, некоторые выдержки из которого мы приводим для характеристик тамошних настроений:

„Остаткам кулачества удалось организовать контр-революционный сабогаж, особенно сильно сказавшийся в районах Кубани, но имевший место и в других районах нашего края.“

Этот сабогаж выразился в проведении вредительского сева, сознательном засорении полей сорняками, организации целого слоя контрреволюционных кулацких элементов, который пролез в наши колхозы и пытался разлагать их внутри, в распространении разных провокационных слухов о войне и т. п., попытках ку-

лацких слоев угрозами терроризировать хороших колхозников и не дать им возможности вести хозяйство колхозов так, чтобы они крепко стояли на ногах. В период уборки и хлебозаготовок сабогаж выразился особо ярко в массовом, организованном расхищении колхозной собственности и огромном расхищении хлеба во время уборки и хлебозаготовок.“ (Дело идет о 1932 году. Ред.).

... „В нашем крае наиболее резко проявлялась контрреволюционная деятельность кулацких элементов, наиболее острые формы принимала классовая борьба. Несмотря на это, мы имеем полное право сказать, что и в нашем крае обстановка на сегодняшний день в деревне резко изменилась...“

Но,

... „Значит ли это, что мы можем сказать, что у нас кулацкий сабогаж сломен и дальше никакой борьбы не нужно, и дальше все пойдет по-хорошему? Ничего подобного. Самотек и дальше, если его допустить, может погубить все. Мы можем сказать, что в основном организованный кулачеством сабогаж сломен в нашем крае, мы имеем новую обстановку, резко отличную от зимнего периода, но это вовсе не значит, что у нас в какой-либо степени сопротивление остатков кулачества не повторится, не будет дальнейший явлений обострения классовой борьбы. Ни в коем случае...“

... „Я хочу остановиться на двух моментах, где особенно остро будет проявлена кулацкая активность и где потребуются решительный удар. Первое, — это опасность попытки расхищения урожая. В прошлом году было расхищено значительное количество хлеба с колхозных и совхозных полей. Контр-революционные элементы пытались организовать и расхищение семесуды, мы ответили на это жестоким ударом.“

Несомненно, что, несмотря на уроки пережитого года, попытки расхищения колхозного и совхозного урожая будут иметь место. Здесь мы должны проявить чрезвычайно большую бдительность. Мы не можем допустить, чтобы в этом году урожай растаскивали, как в прошлом. Опубликованное указание ЦК и СНК по этому поводу обязывает организовать охрану хлеба на корню и во время уборки, обязывает возложить на колхозные бригады ответственность за сохранение урожая. Там говорится о беспощадной расправе на основе закона от 7 августа 1932 года со всеми попытками расхищения урожая этого года“...

Второй вопрос, вокруг которого будет вестись кулацкая контр-революционная агитация и который вызовет не мало острых проявлений классовой борьбы, — это вопрос о выполнении колхозами своих обязательств перед государством. Особенность предстоящей хлебозаготовительной кампании заключается в том, что с нынешнего года устанавливается обязательная поставка зерна государству колхозами и единоличниками вместо системы договора (контракта), имевшей место в прошлые годы.

План поставок зерна превратился в твердый закон, проводимый государственной властью. Вокруг этого вопроса развернется борьба. Именно здесь могут быть наиболее острые формы классовой борьбы.

Классовый враг попытается дискредитировать новые формы хлебозаготовок. Попытается сорвать выполнение хлебосдачи государству.

Мы должны добиться такого положения, чтобы каждый колхоз чувствовал свою ответственность перед государством за выполнение своих хлебных обязательств. На первом месте должны стоять интересы советского государства.

Мы имеем хорошие колхозы, в которых укрепились трудовая дисциплина, которые хорошо сеют, которые не только выполняют, но и переполняют посевной план, мы имеем и плохие колхозы, которые срывают выполнение посевного плана, которые загубили свой скот и тягловую силу, которые относятся еще не достаточно добросовестно к работе.

Мы сейчас вручаем обязательства по хлебосдаче и единоличникам и колхозникам. Эти обязательства не исходят из фактического посева колхоза, а исходят из того плана, который был им дан. Мы будем требовать выполнения обязательств перед государством, исходя из данного колхозу плана посева, вне зависимости от фактического посева того или иного колхоза и вне зависимости от причин, которые привели колхоз к недо-севу.

Мы должны внедрить ответственность колхозов и первую очередь в выполнении своих обязательств перед государством, и мы здесь будем беспощадны“...

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.